

Азизий Мир

1913 г.

№ 7-й.

Содержаніе № 7: Къ свѣтлымъ высотамъ. Рис.—Къ свѣтлымъ высотамъ. Стих. **Θ. Благова.**—Грорекъ Голубоглазый (Скандинавск. преданіе). **1. Любичъ-Кошурова.**—Въ пасхальную ночь въ деревнѣ. Рис.—Скрипачъ въ Гмюндѣ. Стих. **Ю. Кернеръ.** Перев. **Льва Зилова.** Съ рис.—Праздничный гость у бѣдныхъ. Рис.—Все-таки Пасха. Разск. **Экъ.** Съ рис.—Пасхальный звонъ. Стих. **И. Сомскаго.**—Царевна. Дуэтъ для сопрано и альты. Слова и музыка **Павла Егорова.**—Вербное воскресеніе въ старой Москвѣ. Рис.—Въ старой Москвѣ. Картинка. **Л. Бурчака.**—Фонарщикъ. Пов. изъ америк. жизни **Кумминсъ** (*Продолженіе*). Перев. **Н. Атласъ.** Съ рис. худ. **Н. Денисова.**—Лакомки. Шутка въ 1-мъ д. **Б. Арбатскаго.**—Рабъ за рабовъ. Ст. **А. Н.** Съ рис. (*Окончаніе*).—Ива-сины грезы. Стих. **Грица Чуринки.** Перев. **Арк. Полонскаго.**—Какъ пробуждалось озеро. **Маріи Липской.** Перев. **Эвы Пущинской.** Съ рис.—Между дѣломъ. Пасхальный герой. Шутка. **Тушканчика.** Съ рис.—Объявленія.

Продолжается подписка на 1913 годъ

на популярно-образовательный и литературно-худож. иллюстрир. журналъ для семьи и школы.

„Дѣтскій Міръ“

(VI ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

(Журналъ премированъ въ Россіи и за границей).

Въ 1913 г. журналъ издается въ увеличен. форматѣ и въ большемъ объемѣ.

Въ журналѣ общали участіе: **Л. Абрамовичъ, Аркадій Аверченко, Каз. Баранцевичъ, Е. Богдановская, Θ. Благовъ, Н. Васинъ, Г. Гульковский, И. Данилинъ, Никъ Дени, Павелъ Егоровъ, Б. Звонаревъ, Левъ Зильовъ, Борисъ Ивинскій, В. Кашкаровъ-Весленевъ, Вл. Ленскій, 1. Любичъ-Кошуровъ, А. Мирскій, Арк. Полонскій, О. Полтавка, Э. Пущинская, Е. Сорензонъ, Алексѣй Толстой, Н. Фольбаумъ, Л. Черскій, Б. Шишкинъ, Т. Щепкина-Куперникъ, Е. Экъ и друг.**
Художники: **П. Абрамовъ, А. Бекъ, Н. Денисовъ, Е. Я. Ловмянскій, Д. Орловъ, А. Тимиховъ** и др.

Годовые подписчики получаютъ:

24 иллюстрир. книжки, содержащія разск., стихотв., пьесы для дѣтскаго театра, путешествія, популярныя статьи изъ разн. обл. знанія, игры, занятія, шутки и др.

Четыре преміи:

1. Большой альбомъ для маронъ. Дѣти любятъ собирать разныя коллекціи, и собраніе марокъ очень распространено. Но большимъ затрудненіемъ является отсутствіе системат. альбома, дорого стоящаго въ продажѣ. Съ этой цѣлью редакция „Дѣт-

скаго Мира“ рѣшила придти на помощь своимъ молодымъ читателямъ.

2. Большая интересная игра-путешествіе „Вверхъ по Волгѣ“ со всѣми приспособленіями и раскрашенною картою.

3. Книга, богато иллюстрированная, „Какъ люди летаютъ“, отвѣтъ на самое интересное явленіе современной жизни.

4. Книга „Лѣсъ, луга, поля“, со множествомъ иллюстрацій, рисующая окружающую насъ природу и специально посвященная Россіи.

Подписная цѣна на журналъ со всѣми приложеніями съ **3** РУБ. доставной въ Москвѣ и пересылной въ другіе города **3** въ годъ.

На $\frac{1}{2}$ г.—**1 р. 50 к.**

Комплекты журнала „Дѣтскій Міръ“ за 1912 г. съ приложеніемъ „Жизнь животныхъ по Брэму“ могутъ быть высланы за **3 рубля**; безъ приложенія **2 руб.**

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: **МОСКВА**, Большая Дмитровка, д. № 26; въ конторѣ **Н. Печковской** (Москва, Петровск. Линія); во всѣхъ книжн. магаз. и почтово-телегр. контор. Россіи.

Издатель Акц. О-во издательск. и печатн. дѣла „Московское Издательство“.

Редакторъ **Г. А. Іовенко.**

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ.

Пробный номеръ для ознакомленія у всѣхъ газетчиковъ и въ книжкахъ, а также высыл. изъ конторы за 20 коп.

Азкіі Мір

Двухнедільный художественно-литературный журналъ для семьи и школы

— VI годъ изданія —

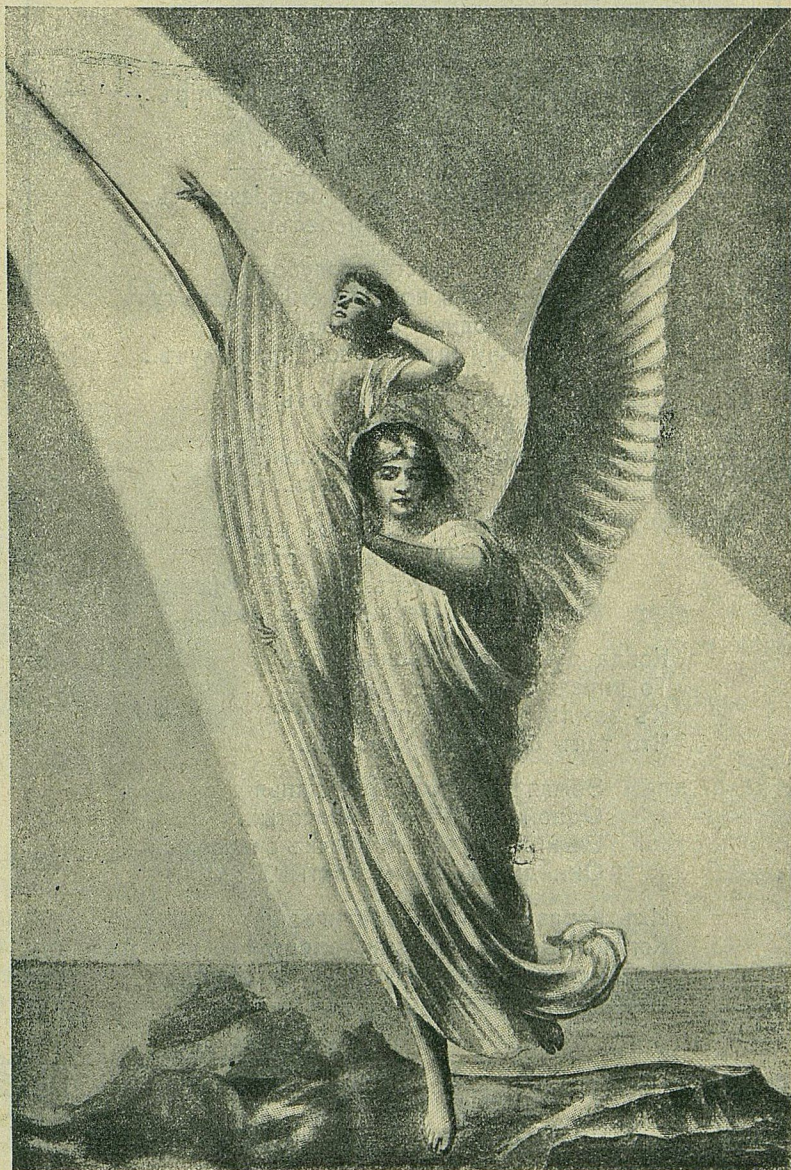
1913 г.
Апрѣль.

Контора и редакция: Москва, Бол. Дмитровка, 26. Телеф. 46-57.

Танса объявленій: Строка непарели: впереди текста—30 к., послѣ текста—15 к.

Перемѣна адреса 25 коп. (При заявленіи о перемѣнѣ адреса контора проситъ присылать прежній адресъ или сообщать его №).

№ 7

Къ свѣтлымъ высотамъ.

Къ свѣтлымъ высотамъ.

Въ весенній день, когда видѣнья
Прекрасныхъ грезъ встаютъ вдали
И въ лучезарномъ пробужденьѣ
Ликуеть бурно грудь земли;

Въ весенній день, когда согрѣта
Душа напѣвомъ дивныхъ лиръ,—
Ее объемлетъ ангелъ свѣта
И рѣтетъ съ ней въ лазурный міръ...

Держа ее въ объятѣхъ нѣжномъ,
Ее несетъ онъ въ міръ чудесъ,—
Къ высотамъ свѣтлымъ и безбрежнымъ,
Къ высотамъ солнца и небесъ!..

Туда, гдѣ царство голубое
Воздушныхъ волнъ, жемчужныхъ тучъ,
Откуда солнце золотое
Навстрѣчу шлетъ свой яркій лучъ...

Озарена лучомъ тѣмъ яркимъ,
Летитъ душа, огня полна...
О, слиться со Свѣтиломъ жаркимъ
Въ тотъ часъ хотѣла бы она!..

Но и земли родной ей жалко...—
Въ землѣ—другая красота:
Прозрачный снѣгъ... Ручей... Фіалка...
Весна!.. Всѣ звуки!.. Всѣ цвѣта!..

Когда духъ неба пропадаетъ,
То внизъ слетѣвшая душа
Къ землѣ родимой припадаетъ,
Что такъ безмѣрно хороша!..

Земля и небо... Два сіянья
Одной всесвѣтной красоты!..
Въ нихъ—равный блескъ очарованья...
Они душѣ—равно святы!..

Ихъ нераздѣльность постигаешь,
Когда, въ весенній день, мечтой
Къ высотамъ царственнымъ взлетаешь
И видишь Пламень золотой!..

Ө. Благовъ.

Грорекъ Голубоглазый

(Скандинавское преданіе).

I.

Въ замокъ Грорека Голубоглазаго приплыль рыбакъ на лодкѣ съ парусомъ изъ камышовой цыновки. Онъ остановилъ лодку посреди двора и сталъ кричать, чтобы его выслушали, такъ какъ онъ имѣетъ сообщить нѣчто очень важное.

Замокъ Грорека Голубоглазаго былъ собственно не замокъ, а небольшой заливчикъ, со всѣхъ сторонъ окруженный скалами. Въ скалахъ были высѣчены ступени. На гребняхъ скалъ стояли построй-

ки, сложенные изъ грубо отесанныхъ каменныхъ плитъ. Съ моря этихъ построекъ совсѣмъ не было видно, и берегъ казался здѣсь пустыннымъ и дикимъ. Но если подѣхать поближе, сразу бросалась въ глаза низкая, вырубленная въ скалѣ арка-ворота, ведущая во дворъ замка. Волны моря свободно катились черезъ арку и подгоняли хлопья бѣлой и желтой пѣны къ самымъ ступенямъ, высѣченнымъ въ скалахъ.

Какъ только закричалъ рыбакъ, на одной изъ скалъ въ зеленой отъ сырости и плѣсени башнѣ открылась дверь, сбитая изъ толстыхъ еловыхъ брусевъ, и высунулась голова Грорека Голубоглазаго.

Волны шумѣли подъ аркой, хлопья морской пѣны крутились по двору, и сѣдая борода Грорека, которую трепаль вѣтеръ, казалась тоже какъ пѣна. И его

голосъ походилъ на шумъ волнъ, потому что выросъ Грорекъ и возмужалъ подъ грохотъ морскихъ буръ и еще въ юношескомъ возрастѣ привыкъ командовать такъ, чтобы его голосъ былъ слышенъ сквозь ревъ непогоды на самыхъ дальнихъ ладьяхъ, разбросанныхъ вѣтромъ по морю...

Подъ старость онъ ужъ иначе не могъ говорить—бесѣдовалъ ли дома, въ кругу семьи, распоряжался ли на рыбной ловлѣ, выражая ли кому одобрение или порицаніе, или старался во время боя вселить побольше мужества въ сердца своихъ дружинниковъ.

— Что тамъ случилось?—крикнулъ онъ рыбаку, и такъ какъ плохо разбиралъ, что рыбакъ кричитъ ему въ отвѣтъ, ибо былъ тугъ на-ухо отъ старости, прогремѣлъ какъ громъ какое-то ругательство и сталъ спускаться внизъ по ступенямъ.

Въ нѣсколько взмаховъ веслами рыбакъ очутился у самой подошвы скалы, по которой спускался Грорекъ.

— Ну,—сказалъ Грорекъ, остановившись на нижней ступенькѣ.

— Труби въ свой рогъ,—отвѣтилъ рыбакъ,—и зажигай костры на скалахъ, потому что какіе-то люди въ бабьихъ платьяхъ сманили съ неба одного изъ боговъ и провозгласили его царемъ не только живыхъ, но и мертвыхъ...

Грорекъ не сталъ долго раздумывать. Онъ давно уже хотѣлъ, чтобы съ нимъ случилось что-либо въ родѣ того, что поется въ старыхъ сагахъ.

Онъ только спросилъ у рыбака:

— А ты видѣлъ этого бога?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ рыбакъ,—но я видѣлъ людей, которые сманили его отсюда (при этомъ онъ мотнулъ головой кверху и тоже кверху мотнулъ весломъ). Они везутъ его къ тебѣ на четырехъ лодкахъ, чтобы ты призналъ его своимъ викингомъ...

И рыбакъ закрылъ вдругъ лицо руками и весь скорчился и, хотя сознавалъ, что Грорекъ не сдѣлаетъ ему никакого вреда, крикнулъ:

— Ой!

Ибо видѣлъ по лицу Грорека, что онъ взбѣшенъ до послѣдней степени.

Уткнувшись головой въ колѣни, онъ сидѣлъ какъ человѣкъ, надъ которымъ внезапно разразился громовый ударъ и блеснула молнія.

И, правда, молнія была въ глазахъ Грорека. И его голосъ былъ подобенъ грому еще болѣе, чѣмъ всегда.

Онъ гремѣлъ:

— Меня!.. Я!.. Чтобы я призналъ его викингомъ? Чтобы былъ его вассаломъ? Я? Я, который... У меня одинъ викингъ—на небѣ, которому я молюсь и къ которому я взойду по радугѣ, когда умру...

II.

Стоя у ярко пылавшаго костра, сложенного изъ цѣльныхъ сосенъ, Грорекъ трубилъ въ боевой рогъ.

Онъ призывалъ всѣхъ своихъ подвластныхъ вассаловъ на защиту своей твердыни.

И ужъ всюду между скалъ при свѣтѣ луны блесѣли шлемы и латы.

Была ночь. Глухо ревѣло море. И сквозь ревъ волнъ съ моря доносились пѣніе смутно и неясно.

И потомъ показались четыре ладьи. Пѣніе стало слышнѣй. Ладьи приближались.

Грорекъ продолжалъ трубить въ рогъ и умолкъ только тогда, когда его вѣрные вассалы столпились позади него тѣсною сверкающей боевыми доспѣхами толпой.

Свѣтъ костра падалъ на прибрежные камни и на синія волны... Все отчетливѣе во мракѣ ночи вырисовывались подплывавшія къ берегу четыре ладьи.

Войдя въ освѣщенное костромъ пространство, ладьи остановились. Онѣ качались на волнахъ. Розовая отъ свѣта костра пѣна клубилась у ихъ бортовъ.

— Акулы!—закричалъ Грорекъ.—Что вы съ нимъ сдѣлали!

Онъ никогда не видѣлъ ничего подобного и никогда не видѣлъ такихъ людей.

Люди, сидѣвшіе въ ладьяхъ, не были воины. На нихъ не сверкали латы и шлемы и они не имѣли никакого оружія... И не было ничего воинственнаго въ ихъ лицахъ.

Но Грорекъ смотрѣлъ не на нихъ. На одной изъ лодокъ былъ укрѣпленъ на носу большой черный крестъ и къ кресту былъ пригвожденъ нагой человѣкъ. Изъ рукъ и изъ ногъ, пробитыхъ гвоздями, текла кровь...

Человѣкъ уже умеръ. Его голова безсильно свѣсилась на грудь, почернѣвшія губы не шевелились.

— Это колдуны,—шепнулъ Грореку сзади одинъ изъ его дружинниковъ.

Но Грорекъ и самъ хорошо зналъ, что колдуны.

Онъ, не оборачиваясь, только кивнулъ головой.

— Эй!—закричалъ онъ.—Чего вамъ надо? Не вы ли тѣ самые, что сманили съ неба одного изъ боговъ?

Тогда поднялся на передней лодкѣ сѣдой старикъ въ черной широкой и длинной одеждѣ и сталъ говорить.

Онъ разсказалъ Грореку про Бога, сошедшаго дѣйствительно съ неба на землю и замученнаго на крестѣ именно такъ, какъ это сейчасъ видитъ Грорекъ.

Бога распяли на крестѣ, перебили ему голени и прокололи бокъ копьемъ... И то, что сейчасъ видитъ Грорекъ, есть подлинное изображеніе того, что случилось очень давно...

Грорекъ не сразу, а все-таки понялъ, что говорилъ ему человѣкъ въ широкой одеждѣ. Богъ вовсе не хотѣлъ сдѣлаться викингомъ. Онъ, какъ-разъ наоборотъ, брался съ бѣдными людьми и хотѣлъ, чтобы имъ жилось лучше.

— Это хорошо,—сказалъ Грорекъ,—потому что о бѣдныхъ у насъ никто не думаетъ, и я никогда самъ не зналъ, чѣмъ мнѣ прокормить людей, живущихъ на моихъ земляхъ... И за это его распяли?

— Да.

— Гмъ... Но что же вамъ отъ меня нужно?

Старикъ въ черной одеждѣ объяснилъ,

что и онъ, и его товарищи—чужеземцы и не имѣютъ мѣста, гдѣ имъ провести эту ночь, которую они чтутъ, и такъ какъ именно въ эту ночь ихъ Богъ воскресъ. Къ этому старикъ добавилъ, что если бы Грорекъ далъ имъ на эту ночь пріютъ у себя, они до самой смерти молились бы за него своему богу.

— Нѣтъ!—воскликнулъ Грорекъ.— Я не знаю, кто вы и откуда приплыли. Плывите дальше! Я не сдѣлаю вамъ дурного, но и къ себѣ не пущу. Я бы васъ всѣхъ перебилъ, если бы зналъ, что вы колдуны, какъ я все-таки думаю. Но я этого не знаю навѣрное и потому говорю вамъ: уходите отсюда.

**
*

Четыре ладьи удалились, скрываясь въ ночной тѣмѣ. Теперь онѣ шли на востокъ противъ вѣтра съ убранными парусами. Ладьи качало. И качалась фигура распятаго, озаренная тускло отблескомъ ко-стра.

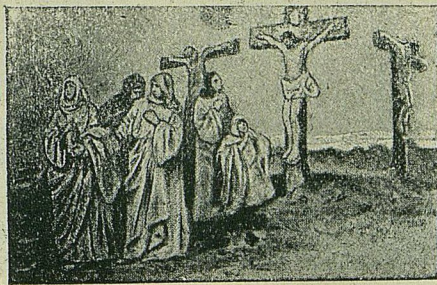
Грорекъ смотрѣлъ вслѣдъ удалявшимся ладьямъ и слушалъ, какъ сидѣвшіе въ ладьяхъ люди пѣли что-то грустное и тоскливое.

Неизвѣстно, что вдругъ сдѣлалось съ Грорекомъ: онъ заплакалъ.

Онъ кричалъ своей дружинѣ:

— Верните **его**! Я не хочу, чтобы онъ носился ночью по волнамъ. Вѣрнѣй всего, что **онъ** Богъ, потому что развѣ на землѣ до сихъ поръ умиралъ кто-нибудь ради нищихъ!..

І. Любичъ-Кошуровъ.

Въ пасхальную ночь въ деревнѣ.

Скрипачъ въ Гмюндѣ.

Ю. Хернеръ.

Церковку, какъ всѣ другія—
Камень тамъ теперь въ пыли—
Гмюндъ построилъ въ дни былые
Пресвятой Цециліи.

На святой изъ нѣжныхъ лилій,
Былъ серебряный стихарь;
Розы золотомъ обвили
Въ свѣтломъ сумракѣ алтаря.

Въ башмачкахъ была святая
Чистымъ золотомъ литыхъ—
Та пора была другая,
Не вернуть время былыхъ;

Тѣхъ время, когда далеко,
За гулливья моря,
Гмюндъ казной гремѣлъ широко,
Зодчимъ-золотомъ горя.

Къ ней несли свои печали
Пилигримы дальнихъ странъ
И, горя ихъ привѣчая,
Пѣлъ невидимый органъ.

И скрипачъ въ сермягѣ драной
Разъ пришелъ къ ней—въ чемъ душа!
Нѣтъ ни крошки въ сумкѣ рваной,
По карманамъ ни гроша!

Пѣлъ онъ, вставъ передъ амвономъ,
Пѣсни ей свои игралъ...
Тронулъ скрипки горькимъ стономъ...
Чу, стихарь затрепеталъ!

Наклонилась тальей гибкой
Въ неподвижности святой,
Звонко бросила съ улыбкой
Башмачокъ свой золотой.

Къ ближней кузницѣ спѣшить онъ;
Доля горькая легка—
О тѣдѣ-теплѣ твердитъ онъ
На червонцы башмачка.

Но, едва башмакъ увидя,
Потащилъ кузнецъ его
Къ безпощадной Немезидѣ
За такое воровство...

И судья, въ рѣшеняхъ славный,
Тотчасъ вынесъ приговоръ,
Что скрипачъ—грабитель явный
И что чудо—сущій вздоръ.

Св. Цецилія.

Бѣдный сынъ высокихъ пѣсень,
Видно, пѣлъ въ послѣдній разъ!..
Ахъ, обхватъ веревки тѣсень;
Ты повиснешь на показъ...

Дребезжать колокольцами;
Ближе-ближе черный ходъ...
За тобой бѣгутъ толпами
Посмотрѣть на твой полетъ...

Похоронной пѣсни звуки...
Хоръ монаховъ, пѣвчихъ хоръ
И сквозь пѣнье, полонъ муки,
Скрипки свѣтлой переборъ.

Скрипку было разрѣшенъ
До конца ему имѣть:
„Гдѣ такъ много будетъ пѣнья,
Пусть и скрипка будетъ пѣть!“

И къ Цециліи капеллѣ
Подошелъ унылый ходъ...
Просить: „Въ церковь (вѣдь успѣли-бы!)
Онъ въ послѣдній разъ пойдетъ“...

Разрѣшили... Предъ амвономъ
Онъ съ мольбою заигралъ...
Тронулъ скрипки горькимъ стономъ...
Чу, стихарь затрепеталъ!

Наклонилась тальей гибкой
Въ неподвижности святой;
Звонко бросила съ улыбкой
Башмачокъ ему другой.

Въ изумлени всѣ, что были,
На башмакъ святой глядятъ...
„За него сама Цецилія
Заступилась“,—говорятъ...

И теперь въ вѣнкѣ лавровомъ—
Съ нимъ веселый хороводъ—
Тотъ скрипачъ изъ церкви снова
Не на казнь, на пиръ идетъ.

Все безчестье позабыто!
За свѣчей зажглась свѣча...
Много ѣдено и пито
Въ честь бѣдняги-скрипача.

Но, когда все было пьяно,
Башмачки онъ взялъ скорѣй
И ушелъ въ чужія страны,
Подъ луной къ волнамъ морей.

И съ тѣхъ поръ бродягъ со скрипкой
Гмюндъ богатый привѣчалъ,
Угощалъ виномъ съ улыбкой
И въ честь нихъ всю ночь плясалъ.

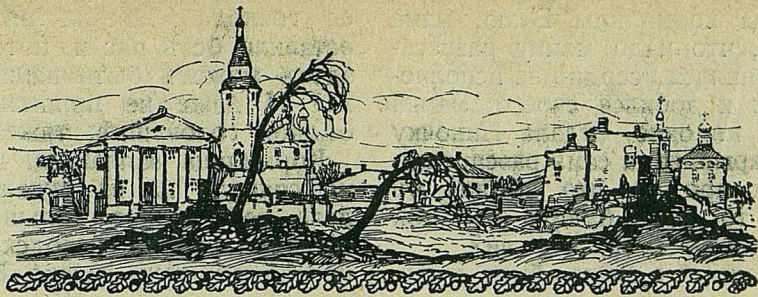
И съ тѣхъ поръ тамъ любятъ руны
И пѣвучихъ струнъ хоралъ.
И, когда всѣ лопнуть струны,
Все звенить пустой бокаль.

И, когда похороненныхъ
Струнъ не вызветъ даль времятъ,
Изъ оконъ руинъ замѣненныхъ
Будетъ литься свѣтлый звонъ.

Перев. Левъ Зиловъ.

Праздничный гость у бѣдныхъ.

Все-таки Пасха.

Постомъ у Смирновыхъ заболѣли дѣти, сначала двѣнадцатилѣтняя Милочка, потомъ семилѣтній Валя. Здоровой осталась только крошечная Нина, которую еще кормила кормилица.

Пасха предстояла въ этомъ году довольно ранняя, и Смирновы рѣшили, какъ только дѣти поправятся, увезти ихъ на югъ. Начались долгія совѣщанія, куда ѣхать. Милочка и Валя, слыша разговоры папы и мамы насчетъ того, ѣхать ли въ Крымъ, или на Ривьеру, начали упрашивать, чтобы поѣхали въ Ниццу, гдѣ они никогда не были и откуда получали въ прошломъ году такія красивыя открытки отъ тети.

— Ёдемъ въ Ниццу, — рѣшили родители и сообщили объ этомъ дѣтямъ и кормилицѣ Ниночки.

Дѣти очень обрадовались. Кормилица не сразу высказалась. Ей ничего не говорило это слово «Ницца».

— Какая такая «Ниса»? — спрашивала она у Милочки, приходя съ Ниной на рукахъ въ ея комнату. — Очень долго ѣхать-то? Не уморимся мы съ Ниночкой?

— Отлично доѣдемъ, мамка, ты не беспокойся, увидишь море... Ты никогда моря не видала?

— Да чего-жъ тутъ видать? Поди, море какъ море, — покойно отвѣчала мамка.

— Ну, а все-таки, какое оно, какъ ты думаешь?

— Синее, извѣстно.

Милочка смѣялась.

— Бываетъ и синее, бываетъ и черное, бываетъ тихое, бываетъ такъ бушуетъ, что волны далеко-далеко на берегъ бросаются. Ты не будешь бояться, мамка?

— А чего его бояться? Небось, не у самого синяго моря жить будемъ.

— Тамъ, мамка, пальмы растутъ, — сообщала Милочка.

— У насъ въ залѣ тоже пальмы стоятъ, — отвѣчала мамка.

— Такъ у насъ въ горшкахъ, а тамъ прямо въ землѣ.

— Ну, и пусть ихъ себѣ, — равнодушно отзывалась кормилица.

Дѣти перестали рассказывать ей о прелестяхъ Ривьеры и только между собою мечтали, какъ тамъ будетъ интересно.

Насталъ день отъѣзда. Родители Смирновы устали и рады были сѣсть въ купе международного общества, гдѣ размѣстились всѣ вмѣстѣ. Дѣти Мила и Валя смотрѣли въ окно и все старались заинтересовать поѣздкой кормилицу, а кормилица какъ сѣла въ вагонъ, такъ сразу почувствовала, что неладное затѣяли господа: виданное ли дѣло — передъ самымъ Свѣтлымъ праздникомъ ни вѣсть куда, къ бусурманамъ на синее море ѣхать!

Маму очень беспокоило плохое настроеніе кормилицы; она боялась, чтобы оно не отразилось на Ниночкѣ, которая всегда плакала, если кормилица бывала не въ духѣ, и поэтому, подозревая къ

себѣ любимца кормилицы Валю, мама шепнула ему, что надо мамку развеселить. Валя принялся усердно за исполненіе порученія и добился своего: мамка засмотрѣлась въ окно, отдала Ниночку поняньчить барышнѣ, а сама разспрашивала Валю и про то, что видѣла въ окно, и про то, какъ будетъ въ этой самой,—какъ ее?—Нисѣ, что ли?

Валя отвѣчалъ, что зналъ, былъ очень гордъ тѣмъ, что развеселилъ мамку, и такъ какъ въ общемъ Ниночка была всю дорогу покойна, то и всѣ чувствовали себя хорошо и пріѣхали въ Ниццу, нигдѣ не останавливаясь, хоть и уставшими, но веселыми. Остановились въ красивомъ отелѣ на Англійской набережной. Окна выходили на набережную, море было синее какъ въ сказкѣ; пальмы красовались вдоль всей набережной, и дѣти спѣшили помочь разложить вещи и выйти погулять. Солнце свѣтило и грѣло совсѣмъ по-лѣтнему.

Пока шла разборка и устройство въ двухъ комнатахъ гостиницы, мама попросила папу выйти съ дѣтьми къ морю, а кормилицу оставить ей на помощь, благо маленькая Ниночка спала.

Дѣти вернулись раскраснѣвшіяся, оживленныя и наперерывъ рассказывали мамѣ и кормилицѣ о томъ, что видѣли, о томъ, какъ тепло, какое красивое зданіе выстроено у самого берега, какъ много народу и какъ все ярко, даже больно глазамъ.

Кормилица безучастно слушала, помогала барышнѣ раскладывать вещи, кормила Ниночку и устраивала ей постельку и, только уложивъ спать, вышла по настоянію дѣтей на балконъ посмотреть на эту самую Нису...

«Ничего пріятнаго въ ней нѣтъ, бусурманская страна и больше ничего»,—рѣшила кормилица.

Утромъ выходили гулять; кормилица, нарядная, съ наряднымъ ребенкомъ на рукахъ, нѣсколько оживилась и съ интересомъ смотрѣла на «бусурманскую Нису», но водить ее съ ребенкомъ по жарѣ и пыли не хотѣли, и мама усадила ее на скамеечку въ сквѣрѣ, а сама со старшими ушла, обѣщая вернуться черезъ полчаса.

И тутъ-то, въ чужомъ городѣ, среди «бусурмановъ», говорившихъ на непонятномъ языкѣ, сообразила мамка, какую плохую штуку устроили съ ней

ея господа. Завезли ни вѣсть куда, оставили безъ пасхи, потому что развѣ здѣсь можетъ быть наша русская пасха? И даже не понимаютъ, какъ ей, бѣдной головущкѣ, тяжело.

Кормилица заплакала, глядя на мирно спящую на ея рукахъ Ниночку, и дала себѣ слово больше никогда не соглашаться на господскія выдумки и не уѣзжать такъ далеко. Ни синее море, ни пальмы, ни шумная, веселая толпа, ни ясное небо не радовало кормилицу.

Вернушіеся съ гулянья мама и Мила съ Валею застали кормилицу въ слезахъ и ничѣмъ не могли успокоить ее. Принесли ей красивую нитку коралловъ,—мамка и не посмотрѣла. У насъ дома такіе есть. Принесли тонкій, пестрый шарфъ,—взглянула, сказала «спасибо», но радости не выразила.

— Охъ, только дожить бы, когда въ Москву поѣдемъ!—говорила кормилица и такъ вздыхала, что мама совсѣмъ растровожилась за Ниночку.

Въ гостиницѣ мамку выводила изъ себя «бусурманская» прислуга, которая самыхъ простыхъ русскихъ словъ не понимаетъ.

— Это ужъ что-жъ такое?—возмущалась она.—Я—баба простая, мнѣ поихнему не понять, ну, чтобы по-нашему, по-русски, не понимать, это надо быть, я ужъ и не знаю кѣмъ... Толкую этой горничной, толкую насчетъ теплой воды, такъ нѣтъ тебѣ, пока чайникъ ей не суну да не крикну «горячей, живо», ни за что не пойметъ.

Дѣти старались не оставлять кормилицу одну съ Ниночкой въ номерѣ, зная, что непременно ее выведетъ изъ терпѣнія безтолковость прислуги, отъ которой она будетъ требовать пониманія «самыхъ простыхъ русскихъ словъ». Пробовали взять кормилицу въ русскую церковь на выносъ плащаницы, но этимъ окончательно ее разстроили, потому что она нашла, что тутъ все не по-людски, самъ батюшка на русскаго батюшку не похожъ и церковь тоже, и пусть ужъ лучше барыня ея не дразнить, пусть ужъ она, бѣдная головущка, этотъ годъ безъ Пасхи проживетъ,—дастъ Господь, на тотъ годъ настоящую Пасху отпразднуетъ. Ему, Батюшкѣ, видно, угодно было за грѣхи наказать ее, разуму рѣшить, потому что, если бы только она въ своемъ умѣ была, ни въ жисть не согласилась бы она въ такую даль забрать-

ся, да еще подъ самый Свѣтлый праздникъ!

Мамка сокрушалась, плохо спала и не ѣла тѣхъ кушаній, что ей предлагали, и Смирновы начали опасаться за здоровье Ниночки.

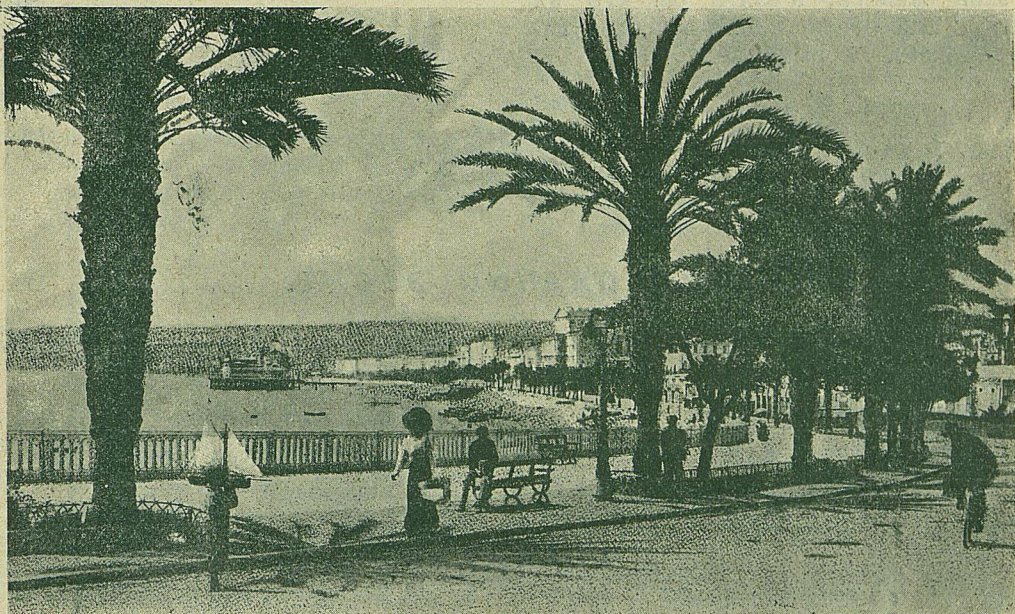
И вдругъ въ пятницу, послѣ выноса плащаницы папа съ старшими дѣтьми, вернувшись съ гулянья, сообщилъ, что онъ нашелъ превосходную квартиру въ пансіонѣ «Родной уголь», тутъ же, на набережной, въ самомъ концѣ.

Сейчасъ же всѣ отправились осмат-

ривать квартиру, нѣсколько разъ при встрѣчѣ поговорила съ кормилицей.

Ниночка спала спокойно, и у всѣхъ членовъ семьи стало весело на душѣ. Хотя кормилица и продолжала жалѣть дѣтокъ и себя, что они остались безъ пасхи, хотя не приняла предложенія барыни пойти къ заутрени, потому что развѣ это называется заутреня и русская, настоящая церковь? Но все-таки наполовину помирилась съ «этой самой Нисой», разъ есть въ ней «Родной уголь».

— Истинно родной уголь,—говорила она хозяйкѣ, когда на первый день

ривать квартиру и взяли съ собою мамку. Съ отдѣльнымъ ходомъ, съ выходомъ въ собственный садикъ, освободились двѣ комнаты въ «Родномъ углу».

Когда кормилица услышала русскую рѣчь, она даже перекрестилась и, глядя на хозяйку пансіона, спросила Милочку:

— Это она что же, такъ обучена нашему или взаправду русская? Съ рожити-то будто не похожа?..

Милочка увѣрила, что хозяйка—самая настоящая русская, и мамка расцвѣла.

Въ Страстную субботу переѣхали въ «Родной уголь», устроились, и хотя прислуга и тутъ была «бусурманская», но были все русскіе жильцы, слышалась русская рѣчь, и хозяйка, предупрежден-

праздника совершенно неожиданно получила отъ нея сюрпризъ, такой же, какой получили дѣти: маленькую русскую сырную пасху, маленькій куличъ и красныхъ яицъ.

— Вотъ что значить, барыня, русская-то душа, свое помнить,—умилялась мамка, любуясь куличомъ.—Куда Господь-батюшка ее закинулъ, сколько лѣтъ она тутъ, вдова бѣдная, живетъ,—сказывала она мнѣ, хозяйка-то,—а вотъ своихъ русскихъ обычаевъ не забыла!.. Дай ей за это Богъ здоровья!

Дѣти тоже очень радовались, что у нихъ, какъ дома, въ Москвѣ, есть пасхальный столъ, и пригласили къ себѣ разговляться сына хозяйки Жоржа. Русский Жоржъ родился въ Ниццѣ и со-

всѣмъ не умѣлъ говорить по-русски, чѣмъ сразу не понравился мамкѣ, но очень понравился дѣтямъ, и мамка, скрѣпя сердце, помирилась съ нимъ, рѣшивъ, однако, при случаѣ поговорить съ хозяйкой и убѣдить ее, что русскому младенцу первѣе всего надо умѣть говорить по-русски.

Подсѣвъ съ Ниночкой на рукахъ къ столику въ саду, гдѣ сидѣли и болтали дѣти, мамка попробовала было обучить «Жоржу» своимъ словамъ, но онъ хотѣлъ и не хотѣлъ повторять за нею: «хлѣбъ», «водица», «молоко»...

— Оттого безтолковый, что въ Нисѣ этой живетъ, а взять бы его въ Москву, живо все понимать бы началъ,—рѣшила кормилица.

Пасха прошла какъ-будто хорошо. А когда черезъ два мѣсяца Смирновы вернулись домой, мамка пришла совсѣмъ въ веселое настроеніе и хотя увѣряла, что такъ Пасхи въ этомъ году и не видѣла, но чудесъ про «Нису» рассказывала многое-множество и особенно расхваливала хозяйку пансіона, которая даже названіе такое трогательное придумала «Родной уголь».

— Дай ей Богъ здоровья,—кончала мамка каждый свой рассказъ,—нашихъ обычаевъ тамъ все-таки не забыла и хотъ плохонькую пасху, а справила.

Экъ.

Пасхальный звонъ.

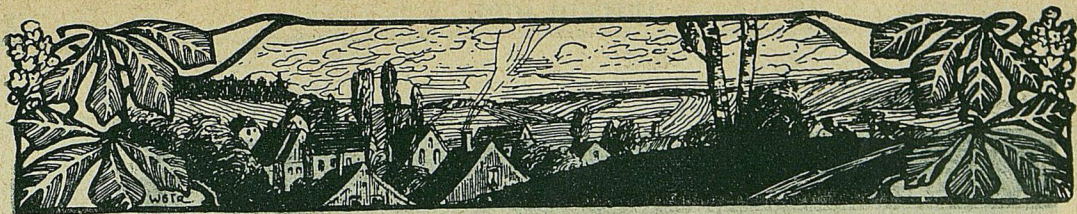
Надъ полями, надъ лѣсами
Переливными волнами
Колокольный звонъ бѣжитъ...
То затихнетъ, то зальется,
Къ небу свѣтлому взовьется,
Словно съ небомъ говорить...

И поетъ звонъ колокольный,
Звонъ широкій и привольный,
Что весь мракъ зимы исчезъ,—
Все запѣло, встрепенулось,
Свѣту солнца улынулось,—
Что уже Христосъ Воскресъ...

И подъ звонъ пасхальный красный
По землѣ съ улыбкой ясной
Тихо крадется весна...
Солнце все сильнѣе грѣетъ,
Лѣсъ березовый бурбѣтъ,
Даль прозрачна и ясна...

И бѣжитъ звонъ надъ лѣсами,
Надъ селеньями, полями,
Вдоль всѣхъ рѣчекъ, средь ракинь...
То вдругъ стихнетъ, то зальется,
Звонко, быстро понесется,
Зарыдаеть, задрожитъ...

Ив. Сомскій.

Царевна.

Царевна прекрасная въ дальнемъ краю
Живетъ одиноко, гдѣ пальмы цвѣтутъ
И птички свободныя пѣсню свою
О радости юной поютъ.

Тамъ вѣчное лѣто, тамъ розы кругомъ,
Тамъ солнышко ярко сверкаетъ съ высотъ;
Изъ ландышей бѣлыхъ построенъ тамъ домъ,
А въ домъ царевна живетъ.

Тамъ райскія птицы ласкаются къ ней
И бѣгаютъ серны къ подножію горъ.
Тамъ солнышко светитъ нѣжнѣй и нѣжнѣй,
Тамъ служитъ стѣдой Черноморъ.

Но скучно царевнѣ въ далекомъ краю,
И грезится ей дорогая страна.
На родину рвется царевна свою,
Гдѣ встрѣтится съ милымъ она.

Послѣдняя
Написана Л. М. М.

Царевна.
Дуетъ для сопрано и альта

Слова и музыка отъ Г. Г. Г.

Модерато

Музыкальная партитура для сопрано и альта. Песня «Царевна».

5 Ца- ре-в-на пре-рас-но я въ даль-немъ кра- ю жи- ветъ ра-ди-то-ю. Гдѣ паль-мы цвѣ- тятъ и

пти-цы сво-бо-ды. Пѣ-сню сво- ю о ра-до-сти ю-но-сти по- ютъ. Тамъ

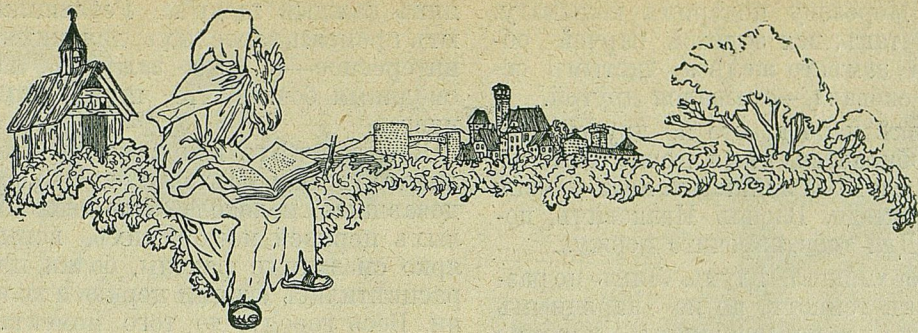
вѣ-чно лѣ-то, тамъ розы кругомъ, тамъ сол-ныш-ко свер-ка-етъ съ вы-сотъ. Изъ ланды-шей бѣ-лыхъ по-стро-енъ тамъ домъ,

тамъ жи-ветъ ца-рев-на. Тамъ рай-скія пти-цы лас-ка-ютъ-ся къ ней, и се-р-ны бѣ-гутъ къ по-до-но-жью го-ръ.

Вербное воскресенье въ старой Москвѣ.

Царь ведетъ за поводъ осла, на которомъ возсѣдаетъ патриархъ.

Въ старой Москвѣ

(Картинка).

Къ ночи подморозило. И слава Богу, а то на московскихъ улицахъ творится нѣчто невообразимое: грязь по колѣни,—вязкая, густая... А морозцемъ немного хоть по краямъ скрѣпило, хоть по тропинкѣ, что вьется у самой сточной канавы, можно пробраться,—правда, съ большою осторожностью...

Тьма въ узкихъ улицахъ и переулкахъ кромѣшная: кое-гдѣ падаютъ изъ маленькихъ оконъ полоски свѣта, только и всего... Ряды деревянныхъ домишекъ вытянулись по обѣимъ сторонамъ улицъ, приземистые, незатѣйливые.

Попадаютъ иной разъ между ними и каменные хоромы,—боярское жильѣ,—да рѣдко. Милославскіе да Морозовы, Стрѣшневые да Салтыковы повыстроили себѣ палаты на заморскій ладъ—съ хитрыми украшеніями, прапорами *), башенками, но много ли ихъ?..

Все больше выглядываютъ изъ-за крѣпкихъ частоколовъ простыя старинныя крыши съ рѣзбой и фигуркой какой-нибудь невиданной птицы или звѣря наверху.

Тихо на улицахъ. Всѣ по домамъ сидятъ въ ночь подъ Свѣтлый праздникъ, изрѣдка развѣ, скользя надъ канавой, проплетется запоздавшій прохожій, высоко подобравъ полы кафтана, чтобы не забрызгать... Собаки со всей улицы подымутъ лай, обрадовавшись случаю, и

не будь, пожалуй, при запасливомъ москвичѣ доброй палки, попробовали бы, изъ какого матеріала шить кафтанъ...

Свѣтятся огоньки въ домахъ: всюду—и въ боярскихъ хоромахъ, и дворянскихъ, и въ хатахъ простыхъ людей—готовятся встрѣчать праздникъ: напекли всякой снѣди, наготовили питья, каждый по достатку, застлали столы камчатными скатертями, ждутъ, когда идти къ заутренѣ.

Бѣжить время. Ночь словно еще темнѣе стала, ярче горятъ звѣзды...

Вотъ стукнула калитка; вышелъ и медленно поплелся къ своей приходской церковкѣ подъячій монастырскаго приказа Иванъ Барсуковъ, человѣкъ богомольный, любитель почитать и попѣть на клиросѣ... За нимъ еще кто-то вышелъ и заскользилъ по тропинкѣ... Другой, третій... Оживаетъ улица, изъ всѣхъ дворовъ, словно изъ мрака, выплываютъ, показываются люди съ узелками въ рукахъ, направляются къ церквамъ. Идутъ пѣшкомъ, ѣдутъ въ колымагахъ, попадаютъ и верховые...

Протащилась раззолоченная, нѣмецкой работы карета боярская. Четверка дюжихъ лошадей насилу протащила ее по грязи...

—Добрая работа, видать, что заморская,—замѣтилъ кто-то изъ прохожихъ.

—Слыхалъ я, царь своему свояку

*) „Прапоръ“—флюгеръ.

боярину Морозову подарилъ колымагу. Вотъ это такъ: вся золотой парчой обтянута, а замѣсто желѣза чистымъ серебромъ окована,—отозвался другой.

— Въ кучкѣ народа, что по другой сторонѣ пробирается, инья рѣчи слышны:

— Эхъ, славный вишневый медъ у меня есть... Приходи, Василь Ивановичъ, попотчую. Для тебя нарочито держу...

Двое верхниковъ ѣдутъ. Лицъ не разглядѣть въ темнотѣ, но по наряднымъ кафтанамъ да по лошадямъ,—хорошіе аргамаки у обоихъ,—видно, что не простого званія люди. Одинъ рассказы-ваеъ:

— Въ Преображенскомъ царь хоромы велѣлъ выстроить для комедійнаго дѣйства, театръ заморскій...

Занятно представляютъ, я видѣлъ, какъ про Ашана дѣйство показывали... На страментахъ всякихъ играли...

— Занятно-то оно занято, а не грѣхъ ли?—замѣтилъ другой.

Исчезли оба во тѣмъ московской улицы, слышно только, какъ шлепаютъ конскія копыта по грязи.

— Сказываютъ, на той недѣлѣ въ Бронной слободѣ человекъ утопъ: въ канаву свалился,—сообщаетъ кто-то своему попутчику новость.

Больше всего народу идетъ къ Кремлю. Тутъ и простой людъ, и служилые люди, приказные, и стрѣльцы, и торговые люди...

Черезъ всѣ ворота тянутся вереницы людей. Хотятъ и патріаршее служеніе видѣть, и царя посмотреть, и вся знать боярская тамъ же...

Ряды нищихъ, убогихъ, слѣпыхъ, хромыхъ рядами стоятъ всюду, ждутъ, какъ станутъ надѣлать ихъ всякой снѣдью, а кто и деньгами. Въ Свѣтлый празд-

никъ каждый щедрѣе. Ребятишки снуютъ промежъ взрослыхъ; для нихъ самое интересное—то, что зажгутъ плошки, смоляныя бочки, что шуму, толкотни много...

Вотъ загудѣлъ колоколъ съ Ивана Великаго, всюду подхватили, словно обрадовавшись, колокола большихъ и малыхъ церквей московскихъ, вспыхнули ярко смазанные факелы, бочки, плошки, расцвѣтились огнями церкви и колокольни. Весь городъ, до того момента темный и тихій, зашумѣлъ, загудѣлъ и заискрился безчисленными огнями...

Засуетились у кремлевскихъ соборовъ стрѣльцы, отгнѣсняя народъ, чтобы не мѣшали крестному ходу... Полилась толпа людей въ блестящихъ свѣтлыхъ одеждахъ изъ церковныхъ дверей... Самъ патріархъ, окруженный архіереями и архимандритами, пѣвчіе... А вотъ и царь вышелъ съ боярами... Колеблется пламя свѣчей, сверкаютъ дорогія, унизяныя камнями самоцвѣтными, одежды... Свѣтель ликомъ „тишайшій“ *) царь: любить онъ благолѣпную службу...

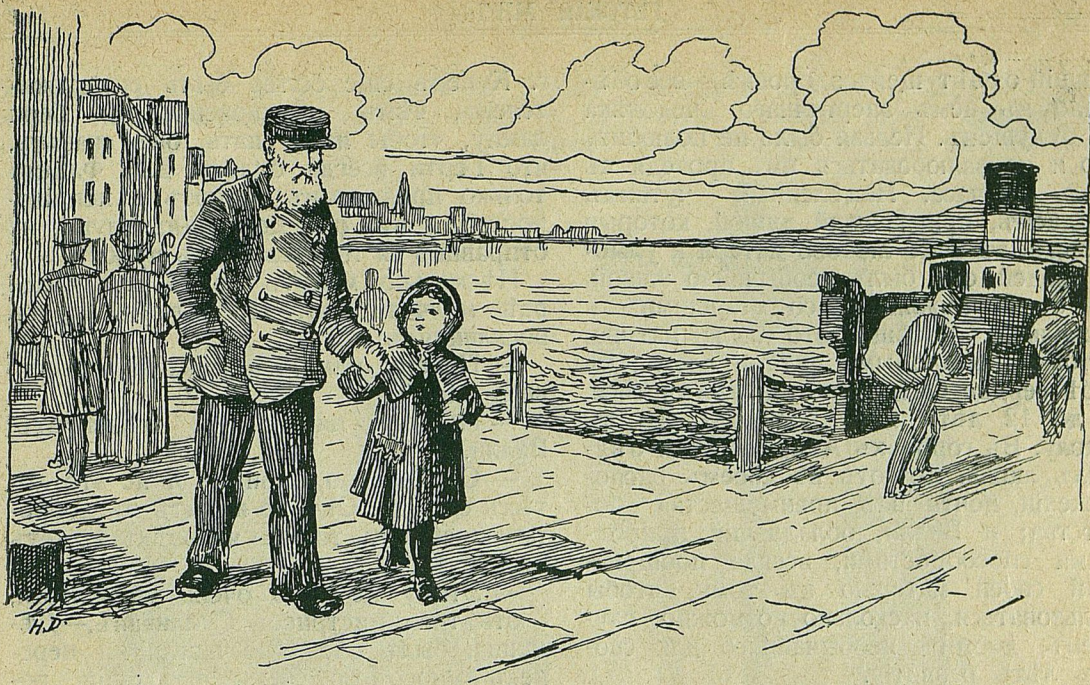
Гудить колоколъ Ивана Великаго, отвѣчаютъ ему церкви всего города, пригородовъ и Замоскворѣчья, и въ этомъ праздничномъ гулѣ тонетъ пасхальная пѣснь: „Воскресеніе Твое, Христе Спасе, ангели поютъ на небеси“...

Чудится, что и старыя зубчатые стѣны кремлевскія, и башни прислушиваются къ радостнымъ звукамъ... Улыбаются яркія весеннія звѣзды, обѣщаютъ старой Москвѣ, вдругъ ожившей и зашумѣвшей въ эту ночь, солнечный ласковый день.

*) „Тишайшій“ царь—Алексѣй Михайловичъ.

Л. Бурчакъ.

ФОНАРЩИКЪ.

Повѣсть изъ американской жизни. Кумминсъ.

Глава VII*).

Вилли.

Трудно было бы найти двухъ дѣтей, принадлежащихъ къ одному и тому же бѣдному классу, существованіе которыхъ представляло бы большій контрастъ, чѣмъ существованіе Вилли и Герти. Читатель знаетъ уже нѣкоторыя испытанія Герти: сирота, покинутая, на ея долю выпало мало заботъ, и еще меньше той любви, которая окружала всегда Вилли. Мужъ мистриссъ Сулливанъ былъ деревенскимъ пасторомъ; онъ умеръ, оставивъ вдову съ маленькимъ ребенкомъ и безъ всякихъ средствъ къ существованію.

Мистриссъ Сулливанъ пріѣхала съ ребенкомъ къ своему отцу. Старикъ нуждался въ дочери, потому что смерть жестоко опустошила эту семью, и г. Куперъ былъ одинокъ.

Съ тѣхъ поръ они всегда жили вмѣстѣ. Они были бѣдны, но порядокъ и экономія давали имъ возможность не нуждаться. Вилли былъ гордостью матери, ея постоянной мыслью и надеждой. Она не жалѣла ни трудовъ своихъ, ни силъ, чтобы имѣть возможность доставить ему матеріальное благополучіе, счастье, содѣйствовать его успѣху и въ добродѣтели, и въ наукѣ.

И трудно было бы не гордиться сыномъ, который благодаря своей рѣдкой красотѣ, милому характеру и ясному, живому уму, привлекалъ къ себѣ даже постороннихъ людей. Вилли былъ красивымъ ребенкомъ; но теперь, когда ему шель тринадцатый годъ, въ немъ находили родъ красоты нѣсколько отличный отъ красоты мальчиковъ его возраста. Его высокій и широкій лобъ, спокойный и ясный взглядъ сѣрыхъ глазъ, складъ рта, въ одно и то же время и мягкій, и энергичный, правильныя черты лица, румянецъ на щекахъ, гово-

рившій о цвѣтущемъ здоровьѣ,—все обѣщало въ немъ энергичнаго человѣка въ будущемъ. Нельзя было не полюбить его и не залюбоваться имъ, проведя съ нимъ полчаса. Надѣленный чуткимъ сердцемъ, привязчивой душой, которыя развили въ немъ любовь матери и улыбки людей, онъ былъ необычайно живой, но очень вѣжливый со старшими и пожилыми. Вообще это была натура, которая невѣдомыми путями влекла къ себѣ сердце. Онъ очень любилъ учиться, и до 12 лѣтъ мать посылала его въ школу. Въ городахъ Америки дѣти бѣдныхъ людей имѣютъ въ своемъ распоряженіи почти всѣ преимущества богатства; и Вилли, обладавшій природными способностями, всегда поощряемый своей матерью къ тому, чтобы пользоваться, насколько возможно, случаемъ, достигъ необычайнаго для своихъ лѣтъ развитія.

Когда ему исполнилось 12 лѣтъ, онъ поступилъ на службу къ аптекарю. Жалованіе, которое платилъ г. Брай, было невелико; но была надежда на повышение; и сколько бы ихъ ни было, эти деньги были нелишними въ положеніи мистриссъ Сулливанъ. Несмотря на свою любовь къ книгамъ и ученью, Вилли всегда желалъ работать, чтобы притти на помощь семьѣ.

Отсутствіе Вилли сильно чувствовалось. Онъ всю недѣлю ночевалъ въ магазинѣ и только изрѣдка имѣлъ возможность навѣстить свою мать, но въ субботу онъ приходилъ домой и проводилъ воскресенье со своими. Это былъ праздникъ для мистриссъ Сулливанъ въ полномъ смыслѣ слова. Въ тотъ вечеръ, о которомъ мы говоримъ, войдя въ комнату, Вилли сѣлъ съ матерью подлѣ г. Купера, и въ теченіе часа шелъ живой разговоръ. Вилли всегда приносилъ съ собой много новостей за недѣлю: о магазинѣ, о покупателяхъ, о хозяинѣ и его семьѣ, въ которой онъ обѣдалъ. Мистриссъ Сулливанъ интересовалась всѣмъ, что интересовало Вилли, и пріятно было видѣть, что старый дѣдъ тоже былъ болѣе заинтересованъ разговоромъ, чѣмъ хотѣлъ показать. Правда, онъ упорно глядѣлъ въ землю и, казалось, не слушалъ, но часто у него вырывались восклицанія недовѣрія по поводу отдѣльных лицъ, или людей вообще, и этимъ онъ выражалъ нелюбовь свою къ человѣчеству. Въ этотъ вечеръ

г. Куперъ еще болѣе былъ раздражителенъ, чѣмъ обыкновенно; и, беря лампу, чтобы итти спать, онъ сказалъ, что Герти всегда будетъ для Флинта только предметомъ хлопотъ и непріятностей и что онъ поступилъ глупо, не отправивъ ея тотчасъ же въ пріютъ.

Нѣсколько минутъ послѣ его ухода всѣ молчали; потомъ Вилли вдругъ воскликнулъ:

— Почему, мама, дѣдушка ненавидитъ весь міръ?

— Но онъ никого не ненавидитъ, Вилли.

— О! Конечно, я знаю! Я не это хотѣлъ сказать. Онъ не вѣритъ въ доброту людей и въ то, что человѣкъ можетъ исправиться.

— Этому не надо очень удивляться,—отвѣтила мистриссъ Сулливанъ.—Дѣдушка былъ очень несчастливъ, перенесъ много тяжелыхъ испытаній, поэтому онъ все видитъ въ черномъ свѣтѣ. Но не надо обращать на это вниманіе, Вилли, будь хорошимъ, старайся достигнуть хорошаго въ жизни, и онъ будетъ гордиться тобой. Будь увѣренъ, что онъ очень доволенъ, когда слышитъ хорошее о тебѣ, и на твою будущность возлагаетъ серьезныя надежды.

Послѣ ухода Вилли, въ тотъ вечеръ, Герти и Тру, оставшись одни, нѣкоторое время молчали. Герти внимательно рассматривала бѣлую статуэтку, которую держала на колѣняхъ и о чемъ-то думала. Тру рѣдко говорилъ первый; но, удивленный сосредоточенностью ребенка, онъ приподнялъ ея подбородокъ, вопросительно посмотрѣлъ на нее и спросилъ:

— Ну, какъ ты находишь Вилли? Умный мальчикъ, не правда ли?

— Да,—отвѣтила Герти разсѣянно.

— Ты любишь его?

— Очень,—отвѣчала Герти.

Но все ея вниманіе поглощала теперь маленькій молящійся Самуиль.

Глава VIII.

Дѣтская мѣсть.

На слѣдующій день было воскресенье. Тру имѣлъ обыкновеніе проводить половину дня въ церкви съ семьей сторожа; но Герти не могла пойти съ нимъ, потому что у нея не было еще шляпы, а Тру не хотѣлъ оставить ее одну. Поэтому они провели утро вмѣстѣ, гуляя по

набережной и глядя на проходящіе па-тому что хозяинъ любилъ порядокъ и роходы. Герти носила на головѣ свой у него было правило рано запереть старый платокъ. дверь. Но г. Куперъ сдѣлалъ имъ обыч-

Въ полдень Тру уснулъ у камина, а Герти стала играть съ кошкой. Вечеромъ, предъ уходомъ въ аптеку, Вилли зашелъ проститься. Онъ торопился, по-

ный визитъ; и когда онъ ушелъ, Тру, видя, что Герти уснула крѣпкимъ сномъ на скамьѣ, пожалѣлъ ее будить и уложилъ одѣтую.

На слѣдующее утро, удивленная тѣмъ, что лежитъ въ платьѣ, она встала и побѣжала спросить Тру, какъ это случилось. Старикъ зажигалъ огонь въ каминѣ; получивъ удовлетворившіе ее отвѣты на многочисленные вопросы, Герти принялась убирать комнату и готовить завтракъ.

Она вспоминала всѣ совѣты мистриссъ Сулливанъ и слѣдовала имъ. Въ нѣсколько недѣль она научилась быть полезной и начинала доказывать мистриссъ Сулливанъ, что та не ошиблась, увѣряя, что настанетъ день, когда она станетъ хорошей хозяйкой. Конечно, услуги, которыя она оказывала, были незначительны, но все-же онѣ избавляли Тру отъ мелкихъ хлопотъ, а ея маленькія, ловкія ручки поддерживали чистоту въ квартирѣ, что составляло теперь его гордость.

Иногда мистриссъ Сулливанъ приходила посмотреть ея работу; она хвалила Герти и понемногу помогала ей. И ничто не доставляло ребенку большаго удовольствія, какъ научиться чему-нибудь новому. Случались и разочарованія. То жаркое пригоритъ, то разобьется чашка; это стоило Герти горькихъ слезъ; но такъ какъ Тру никогда не бранилъ ея, она быстро забывала свое горе. Катерина Макъ-Карти, сочувствуя ей, приходила иногда помыть полъ или сдѣлать другую тяжелую работу.

Однажды, въ воскресенье, Герти, носившая уже хорошенькій капоръ, который ей купилъ Тру, возвращалась съ обѣдни въ обществѣ г. Купера, дяди Тру и Вилли; оба старика были заняты своей обычной бесѣдой, а дѣти, поотставъ немного, оживленно разговаривали о церкви, объ органистѣ, обо всемъ, что было такъ ново для Герти и вызывало въ ней удивленіе и восхищеніе.

Недалеко отъ дома Вилли, глядя на Герти, которую держалъ за руку, спросилъ, ходила ли она когда-нибудь съ дядей Тру зажигать фонари.

— Съ того вечера, какъ онъ привелъ меня къ себѣ, я ни разу не ходила,—отвѣтила Герти.—Я съ удовольствіемъ пошла бы, но дядя Тру говорилъ, что сыро и я опять могу заболѣть.

— Хочешь, пойдемъ сегодня вечеромъ?—предложилъ Вилли.—Теперь тепло, и, если дядя Тру позволитъ, мы пойдемъ съ нимъ. Я часто ходилъ; это очень забавно. Мы будемъ смотрѣть въ

окна и видѣть, какъ люди пьютъ чай или сидятъ въ гостинной у камина.

— И потомъ, я такъ люблю смотрѣть, какъ зажигаютъ большія лампы,—прервала Герти.—Онѣ такъ хорошо освѣщаютъ все вокругъ! Идемъ, — сказала она, увлекая за собой Вилли; — догонимъ его и спросимъ, можно ли намъ пойти съ нимъ.

— Нѣтъ, надо подумать,—сказалъ Вилли.—Онъ занятъ разговоромъ съ дѣдушкой, а когда мы подойдемъ къ дому, тогда спросимъ.

Но ему трудно было сдерживать нетерпѣніе Герти; не успѣли они подойти къ дому, она оставила его и побѣжала къ Тру, который далъ свое согласіе. Вскорѣ они отправились втроемъ.

Нѣкоторое время Герти была вся захвачена постепенно зажигавшимися фонарями; когда же они достигли угла улицы и оказались передъ большою аптекой, радости ея не было предѣла. Яркіе цвѣта жидкостей въ большихъ хрустальныхъ сосудахъ на выставкѣ, которые Герти увидала впервые освѣщенными, очаровали ее; и когда Вилли увѣрилъ ее, что аптека его хозяина многимъ отличается отъ этой, она нашла, что онъ очень счастливъ, проводя жизнь въ такомъ чудномъ мѣстѣ. Потомъ она удивилась тому, что этотъ магазинъ открытъ въ воскресенье, тогда какъ остальные закрыты; Вилли объяснилъ ей почему. Увлеченные всѣмъ видѣннымъ, они не замѣтили, что фонарикъ ушелъ нѣсколько впередъ, и Вилли поторопилъ Герти. Когда они догнали Тру, послѣдній прислонилъ свою лѣстницу къ фонарю, нахотившемуся какъ-разъ противъ цѣлаго ряда красивыхъ домовъ. Большая часть оконъ на улицу была закрыта, но нѣкоторыя не имѣли ставенъ, а занавѣси не были еще спущены. Они увидели въ одной изъ гостиныхъ большой зажженный каминъ, вокругъ котораго собралась семья; дальше, въ другомъ окнѣ зажгли блестящую люстру, и хотя въ комнатѣ никого не было, но мебель была такъ великолѣпна, что Герти въ восторгѣ захлопала въ ладоши. Вилли могъ убѣдить ее уйти, только пообѣщавъ, что дальше есть такой же красивый домъ, гдѣ они, быть можетъ, увидятъ красивыхъ дѣтей.

— Откуда ты знаешь?—спросила она дорогой.

— Я не увѣренъ, но прошлой зимой они всегда стояли у окна, когда приходилъ дядя Тру.

— А сколько ихъ?

— Ихъ было трое. Между ними была одна дѣвочка, у которой были чудные волосы и такое кроткое личико! Она походила на восковую куклу, но гораздо лучше.

— Ахъ! Какъ я хотѣла бы видѣть ее! — воскликнула Герти.

— Вотъ они, — сказалъ Вилли, — и всѣ трое!

— Гдѣ?

— Вотъ, напротивъ въ этомъ большомъ каменномъ домѣ. Перейдемъ дорогу, чтобы видѣть ихъ. Но грязно очень; я тебя перенесу.

Вилли взялъ Герти на руки и поставилъ ее на другой сторонѣ улицы противъ окна. Тру еще не подошелъ. Это его ждали дѣти. Не одна Герти любила смотрѣть, какъ зажигали фонари.

Было совсѣмъ темно, и изъ освѣщенной комнаты ничего не было видно; но Вилли и Герти тѣмъ лучше могли осмотрѣть помещеніе. Это была великолѣпная квартира, въ которой жили, очевидно, очень богатые люди. Яркій огонь камина и зажженной посрединѣ комнаты лампы бросалъ вокругъ веселый свѣтъ. Мягкіе ковры, красивыхъ цвѣтовъ занавѣски, картины въ золоченыхъ рамахъ и большія зеркала, отражавшія со всѣхъ сторонъ обстановку, въ первый разъ дали Герти представленіе о томъ, что такое роскошь. Удобство въ связи съ изяществомъ представляли особенно поразительную картину для ребенка, знавшаго одну лишь нужду. Столъ, уставленный печеньемъ къ чаю, нарядная скатерть, бѣлая какъ снѣгъ, блестящее серебро и особенно огромный семейный чайникъ, — все это прельщало бѣднаго ребенка. У камина, въ покойномъ креслѣ, сидѣлъ господинъ; красиво одѣтая дама смотрѣла, какъ горничная накрывала на столъ, а дѣти, веселыя и улыбающіяся, собрались у окна.

Это были прелестныя существа, похожія на ангелочковъ, особенно одна дѣвочка. Золотыя кудри, бѣлоснѣжная шейка, голубые глаза и круглыя щечки — настоящая головка херувима!

— Ахъ, какъ она красива! — восклицала Герти. — Какая красивая дама! Какой большой огонь въ каминѣ! Вилли, Вил-

ли, посмотри, какія у отца туфли! А что это на столѣ? Какъ это, должно быть, вкусно! А тамъ, какое большое зеркало! Ахъ, какія прелестныя дѣти!

Вилли былъ счастливъ, что доставилъ Герти желаемое удовольствіе.

Подошелъ Тру, и такъ какъ свѣтъ его факела, пробѣгая по тротуару, освѣтилъ Вилли и Герти, они въ свою очередь стали предметомъ вниманія и разговора. Дѣвочка съ кудрями первая замѣтила ихъ и указала братьямъ. Герти не слыхала, что они говорили, но ей было непріятно, что ее замѣтили и говорили о ней. И несмотря на то, что Вилли подшучивалъ надъ ней, она спряталась за столбъ фонаря и не хотѣла ни двинуться, ни поднять глаза.

Когда Тру взялъ свою лѣстницу, они отправились дальше.

— Хотѣла бы ты жить въ такомъ домѣ, Герти? — спросилъ Вилли.

— Конечно, — отвѣтила Герти.

— Вотъ, я буду работать, разбогатѣю и куплю такой.

— Я знаю, что я сдѣлала бы, если бы была богата.

— Что, Герти?

— Прежде всего я купила бы большое, красивое кресло для дяди Тру, какъ то, въ которомъ сидѣлъ господинъ, съ подушками, и чтобы на нихъ были нарисованы красивые цвѣты; потому у меня будетъ много красивыхъ большихъ лампъ, и я ихъ буду зажигать сразу, чтобы въ комнатѣ было свѣтло-свѣтло...

— Ты, кажется, очень любишь свѣтъ, Герти.

— О, да! — отвѣтила дѣвочка. — Я ненавижу темные дома; я люблю звѣзды, солнце и свѣтлый день и факель дяди Тру!

— А я люблю глаза, которые горятъ, — прервалъ Вилли. — Они какъ настоящія звѣзды. Какъ весело, правда!

— Очень весело!

Герти прыгала и танцевала все время. Они свернули на другую улицу. Но не успѣли вступить въ нее, какъ Герти остановилась и отказалась итти дальше.

— Ты устала, Герти? — спросилъ Вилли.

— Нѣтъ, нѣтъ, но я не хочу итти туда.

— Почему?

— Потому что... — Герти понизила го-

лось и почти прошептала на-ухо Вилли:
— Такъ живетъ Нанъ Грантъ; вотъ
ея домъ, и я не могу дальше итти. Я
боюсь.

— О!—сказаль Вилли, гордо вскинувъ
голову.—Хотѣлъ бы я знать, чего ты
боишься, если ты со мной! Пусть толь-
ко посмѣетъ тебя тронуть!

Страхъ Герти тотчасъ же разсѣялся.
По природѣ она не была робка, и ей
захотѣлось показать Вилли свою быв-
шую мучительницу. Они подошли къ
дому. Нельзя было найти лучшаго слу-
чая, чтобы увидеть Нанъ. Стоя у откры-
таго окна, она ссорилась съ одной изъ
сосѣдокъ. Вся поза ея выражала гнѣвъ.
На ея безобразномъ лицѣ было такъ
много злобы, что по нему можно было
судить объ этой злой женщинѣ.

— Которая изъ нихъ Нанъ Грантъ?—
сказаль Вилли. — Вотъ эта высокая, съ
кофейникомъ въ рукѣ?

— Да,—отвѣтила Герти.—Она сейчасъ
подерется съ миссъ Бирчъ; ей необходи-
мо всегда съ кѣмъ-нибудь драться. Она
не увидитъ насъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! Она слишкомъ занята.
Но идемъ, не будемъ останавливаться.
Это слишкомъ скверная женщина, не
хочу на нее больше смотрѣть.

Но Герти не двигалась. Увѣренная въ
защитѣ Вилли, она глядѣла на Нанъ;
глаза ея сверкали, но не тѣмъ блескомъ
радости и веселья, какъ раньше, а мрач-

нымъ огнемъ ненависти, которую видѣ
Нанъ вызваль съ особенной силой.

Вилли находилъ, что пора домой, и,
увидавъ, что фонарщикъ со своимъ фа-
келомъ былъ уже далеко, оставилъ Гер-
ти и отошелъ, надѣясь, что она пойдетъ
за нимъ, говоря:

— Идемъ, Герти, я не могу ждать;
пора домой.

Герти оглянулась и увидала, что оста-
лась одна. Съ быстротой молніи нагну-
лась, подняла съ тротуара камень и бро-
сила въ окно. Стекло разлетѣлось
вдребезги; Нанъ издала удивленное и
гнѣвное восклицаніе, но Герти не ждала
результатовъ своей дурной выходки.
Какъ только бросила она камень, къ ней
вернулся прежній страхъ; она броси-
лась бѣжать, миновала Вилли и остано-
вилась только возлѣ дяди Тру.

— Знаешь ли ты, что ты сдѣлала?—
спросилъ Вилли, догнавъ ее.

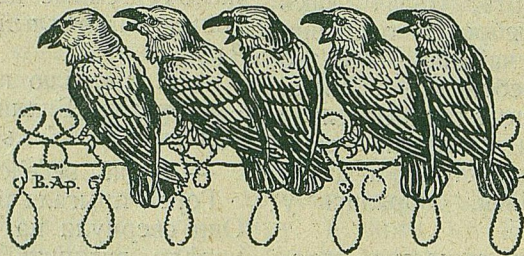
Она пожала плечами, надулась и объ-
явила, что если разбилось стекло, тѣмъ
лучше,—она сдѣлала это нарочно.

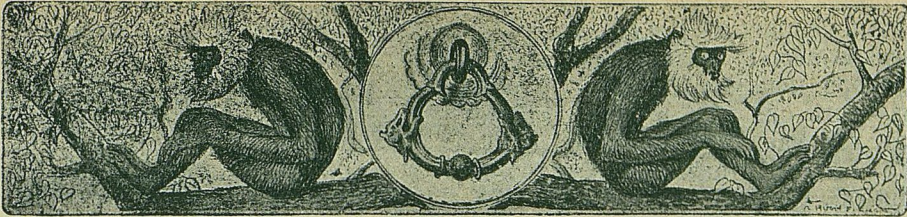
Тру и Вилли молчали; Герти тоже не
промолвила ни слова остальную часть
пути.

Вилли пожелаль имъ спокойной ночи
у воротъ, и, какъ всегда, они не видѣли
его цѣлую недѣлю.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Перев. Н. Атласъ.

ЛАКОМКИ.

Шутка въ 1-мъ дѣйствіи.

Дѣйствующія лица.

Коля, 8 лѣтъ.

Толя, 9 лѣтъ.

Аркаша, 13 лѣтъ.

Иванъ Петровичъ, ихъ отецъ.

Столовая. За столомъ, спиной къ буфету, сидятъ Коля и Толя и учатъ уроки.

Коля (*зубритъ, зажавъ уши пальцами*).—Воронъ гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ сыру... послалъ кусочекъ сыру... сочекъ сыру... сочекъ сыру... сыру...

Толя.—Купецъ купилъ 112 аршинъ бархату и 125 аршинъ шерстяной... купецъ купилъ... (*взглядывая на Колю*). Слушай, Колька, ты мнѣ мѣшаешь!..

Коля (*не слыша его*).—...послалъ кусочекъ сыру... сочекъ сыру...

Толя (*толкаетъ брата*).—Слушай! Ты мѣшаешь мнѣ!..

Коля (*отнимая пальцы отъ ушей*).—А?... Ты что?..

Толя (*передразнивая*).—Что!.. Не даешь мнѣ задачу дѣлать со своимъ зубреніемъ!.. Даже прочесть ея не даешь!..

Коля.—А ты мнѣ не даешь!.. (*снова зажимаетъ уши и продолжаетъ зубрить. Толя сердито отодвигается отъ него*). Кусочекъ сыру... сочекъ сыру... (*Вдругъ останавливается, о чемъ-то задумывается и робко оглядывается на буфетъ*). Толя! А, Толя!..

Толя (*съ досадой*).—Ну, что тамъ еще?!

Коля.—Хорошо бы... сырку сейчасъ...

Толя (*немного повеселѣвъ*).—Ишь чего выдумалъ!.. Тебѣ нельзя басни читать... Вотъ станешь учить „Котъ и поваръ“, такъ, пожалуй, курятины захочешь... (*снова наклоняясь надъ книжкой*). Даже прочесть не дасть!.. Купецъ купилъ 112 аршинъ...

Коля.—Ну, курятины-то я не захочу, а вотъ сырку ничего бы!..

Толя (*отодвигается еще дальше и зажимаетъ уши*)...—112 аршинъ бархату и 125 аршинъ шерстяной матеріи. За бархатъ онъ платилъ по 4 рубля за аршинъ, а за шерстяную матерію по 1 рублю. Спрашивается, сколько онъ заплатилъ за весь товаръ?... Такъ... первый вопросъ... (*дальше говоритъ про-себя, задумывается и начинаетъ рѣшать задачу на бумагѣ. Коля, видя, что братъ увлекся задачей, тихонько встаетъ изъ-за стола и, оглядываясь на Толю, подкрадывается къ буфету. Открывъ незапертую дверцу, онъ заглядываетъ внутрь и вынимаетъ кусочекъ коврижки*).

Коля.—Вотъ такъ сыр!.. Да это лучше всякаго сыра!.. (*откусываетъ*). Давно не ѣдалъ этой штуки... Воронъ гдѣ-то Богъ послалъ кусокъ коврижки!..

Толя (*оглядывается*).—Э!.. Ты что это?!

Коля.—Ничего! Рѣшай своего купца!..

Толя.—Ну, купецъ-то не уйдетъ! А вотъ коврижка уйдетъ, пожалуй!.. (*бросаетъ карандашъ, встаетъ и подходитъ къ буфету*). Да, такъ говоришь: воронъ гдѣ-то Богъ послалъ

кусокъ коврижки? *(отламываетъ кусочекъ и ѣсть)*. А папу сюда Богъ не скоро пошлетъ?..

Коля.—Онъ сказалъ, что прѣдетъ черезъ два часа... Не скоро еще!.. *(смѣется)*. Да, такъ чего купецъ-то купилъ?..

Толя.—Чего? Небось, слышалъ: 112 пудовъ коврижки и 125 мѣръ яблокъ *(беретъ съ другой полки яблоко)*.

Коля.—А! Да тутъ не только позавтракать, а и побѣдать можно!.. Яблоко я возьму на десертъ, а пока dokonчу первое блюдо... *(отламываетъ еще коврижки и ѣсть)*.

Толя.—Ай, кто-то идетъ!.. *(Оба затворяютъ буфетъ и подсказываютъ къ столу. Входитъ Аркаша)*.

Аркаша.—Ну, вы, пригостишки!.. Уроки выучили?..

Толя.—Нѣтъ еще... Сейчасъ рѣшу...

Аркаша *(Коля)*.—А ты что молчишь?.. Говори басню!..

Коля *(съ набитымъ ртомъ)*.—Мм... мм... мм...

Аркаша.—А! Ты что же это? Учить и ѣсть въ одно время? Этакъ не годится!.. Что ты ѣшь?..

Коля.—Мм... мм... мм... черный хлѣбъ!..

Аркаша.—А! Знаю, какой черный хлѣбъ ты ѣшь!.. Да, вѣрно! Ты не совралъ! Онъ—черный... Только съ нимъ щи не хлебаютъ... *(набрасывается на Колю)*. А! Воровать?!

Коля.—Я не... воровалъ Я... такъ взялъ...

Аркаша *(замѣтивъ у Толи оттопырившійся передній карманъ)*.—А это что у тебя тутъ?

Толя.—Мячикъ... Для лапты!..

Аркаша.—Та-акъ... А ну-ка, покажи, какъ ты бьешь *(подаетъ ему стоящую въ углу толстую трость)*.

Толя *(смущенно)*.—Да какъ же я... въ комнату буду бить?.. Некуда запустить, да и разобьешь что!..

Аркаша.—Ничего! Не разобьешь... Ну, бей!.. *(Толя вынимаетъ яблоко и наподдаетъ его палкой. Яблоко разлетается на части)*. Та-акъ, оригинальный мячикъ!.. *(набрасываясь на обоихъ)*. А! Воровать?!. Хорошо!.. Я папѣ не буду говорить, а, какъ старшій братъ, самъ васъ накажу! Такъ же, какъ и онъ наказываетъ! Ну, маршъ!.. Три раза до моста и обратно!!

Коля и Толя.—Нельзя ли... одинъ разъ?..

Аркаша.—Нѣтъ!.. Одинъ разъ—что это за наказаніе?.. Это все равно, что прогулка!.. А вотъ ты три раза туда и обратно пробѣги,—вотъ это я понимаю!.. Ну, да ладно! Одинъ разъ, сбавляю!.. Два раза только!.. Маршъ!.. *(Коля и Толя уходятъ)*. А оригинальное наказаніе придумалъ нашъ отецъ! Пробѣги-ка, говоритъ, вотъ это разстояніе пять разъ!.. Н-да... Оно, конечно, отчего не пробѣжать для прогулки, когда, что называется, „въ охотку“... А вотъ когда не хочется или некогда, какъ, напримеръ, мнѣ сейчасъ, тогда ужъ дѣйствительно это наказаніе!.. Однако надо идти... Воронцовъ съ Юркой давно ужъ ждутъ, навѣрно... *(идетъ къ выходу, но вдругъ оглядывается на буфетъ)*. Надо для развлечения захватить чего-нибудь... *(открываетъ дверцу, беретъ яблоки и набиваетъ, ими карманы такъ, что послѣдніе оттопыриваются. Потомъ беретъ большой еще кусокъ коврижки и засовываетъ его за пазуху)*. На троихъ хватить!.. *(идетъ къ выходу, но въ дверяхъ останавливается съ отцомъ)*.

Иванъ Петровичъ *(въ сердитомъ настроеніи)*.—Стой! Ты куда?

Аркаша.—Къ Воронцову... и къ Юркѣ...

Иванъ Петровичъ *(замѣтивъ торчащую изъ-за пазухи коврижку)*.—Стой! А это что у тебя за Юрка?..

Аркаша *(смутившись)*.—Ков... коврижка...

Иванъ Петровичъ.—А это что у тебя карманы отдулись? Словно арбузы въ нихъ запихнулъ... *(выскакиваетъ у сына карманы, и оттуда дождемъ сыплются яблоки)*. А! Воровать?!. Три раза до моста и обратно!..

Аркаша *(жалобно)*.—Папа... мнѣ неудобно...

Иванъ Петровичъ.—Какое тамъ еще неудобство? Аршъ!..

Аркаша.—Тамъ... Коля съ Толей бѣгаютъ...

Иванъ Петровичъ.—А! Ну, что-жъ? За компанію-то веселѣ!.. Аршъ!..

Аркаша *(вздыхнувъ)*.—Вотъ, мнѣ, такъ дѣйствительно наказаніе!.. *(нечально склонивъ голову, уходитъ)*.

Занавѣсъ.

Борисъ Арбатскій.

Рабъ за рабовъ.:

(Окончаніе*).

Спартакъ былъ настоящій вождь: высокаго роста, стройный, плечистый, рѣшительный, отважный, страшно сильный, необыкновенно умный и замѣчательный ораторъ, т.-е. умѣвшій красиво, увлекательно говорить, и жаждавшій свободы, но не для себя одного, а для всѣхъ. Таковъ былъ Спартакъ, заставившій въ теченіе трехъ лѣтъ трепетать Римъ въ страхъ,—тотъ самый Римъ, который покорилъ три части свѣта и привыкъ никого и ничего не бояться. Это, конечно, долженъ былъ быть необыкновенный человѣкъ.

Спартакъ былъ родомъ изъ Эракіи (нынѣшней Турціи). Благодаря его необыкновенной храбрости римляне зачислили его въ ряды своихъ войскъ, чего они не дѣлали съ другими плѣнными, и Спартакъ участвовалъ въ нѣсколькихъ войнахъ. Но когда римляне объявили войну Эракіи, родинѣ Спартака, то, не желая идти противъ своей родины, Спартакъ бѣжалъ и сталъ въ ряды защитниковъ родины. Во время одного сраженія онъ былъ раненъ и вновь взятъ въ плѣнъ. Римляне осудили Спартака служить гладиаторомъ и продали одному изъ содержателей гладиаторскихъ школъ.

И вотъ Спартакъ сталъ участвовать въ гладиаторскихъ битвахъ и въ теченіе двухъ съ лишнимъ лѣтъ никто не могъ побѣдить его. Но однажды онъ проявилъ такія чудеса храбрости, что ему дарована была свобода, какъ необходимому гладиатору.

Получивъ свободу, Спартакъ могъ вернуться къ себѣ на родину. Но не могъ успокоиться на томъ, что онъ одинъ получилъ свободу; онъ хотѣлъ видѣть свободными всѣхъ гладиаторовъ и сталъ готовить возстаніе гладиаторовъ и вообще рабовъ. Онъ съ этою цѣлью проникалъ во всѣ гладиаторскія школы и бесѣдовалъ съ наиболѣе умными гладиаторами. Тѣ соглашались съ нимъ и обѣщали убѣдить другихъ гладиаторовъ. Все это дѣлалось въ строгой тайнѣ. Но все-же до римскихъ властей дошли слухи объ этомъ; однако гордые римляне не придавали этимъ слухамъ значенія, такъ какъ считали невозможнымъ, чтобы презрѣнные рабы могли возстать противъ непобѣдимыхъ римлянъ.

Между тѣмъ Спартакъ дѣлалъ свое дѣло. Онъ поступилъ учителемъ фехтованія въ самую многочисленную школу гладиаторовъ, въ городѣ Капуѣ, и отсюда началъ возстаніе.

Школа оберегалась римскою стражей. Спартакъ перебилъ ее и вышелъ изъ Капуи во главѣ отряда гладиаторовъ. По дорогѣ къ нему присоединялись новыя гладиаторы и рабы частныхъ лицъ. Дойдя до ближайшей горы, Спартакъ сталъ на ней лагеремъ и сталъ ожидать наступленія римскаго войска. Вскорѣ явились римляне, въ числѣ 1200 человѣкъ, но Спартакъ разбилъ ихъ и обратилъ въ бѣгство. Гладиаторы были въ восторгѣ, они побѣдили непобѣдимыхъ римлянъ.

Римляне немедленно двинули противъ

*) См. № 6.

Спартакъ и его гладіаторовъ новое войско, уже въ три тысячи человѣкъ, подъ начальствомъ одного изъ храбрыхъ и опытныхъ своихъ полководцевъ, но Спартакъ оказался искуснѣе его, на-голову разбилъ его, и римляне бѣжали, побросавъ оружіе, знамена и обозъ.

Спартакъ въ глазахъ гладіаторовъ превратился въ непобѣдимаго героя, и къ нему стали стекаться гладіаторы со всѣхъ сторонъ, такъ что войско его дошло до шести тысячъ человѣкъ. Имѣя столько войска, Спартакъ не сталъ уже ждать, пока римляне нападутъ на него, а самъ пошелъ противъ нихъ и взялъ хорошо укрѣпленный и сильно защищенный городъ Нолль.

Какъ только городъ этотъ былъ взятъ, гладіаторы кинулись грабить его и избивать жителей. Это возмутило благороднаго Спартакъ. Онъ собралъ гладіаторовъ и сказалъ имъ:

— Вы грабители и разбойники! Стыдитесь! Вы поднялись не для грабежей и разбоевъ, а для того, чтобы завоевать свободу. Мы воюемъ не съ мирными жителями, а съ римскими войсками. Я не хочу командовать грабителями и разбойниками.

Гладіаторы были сильно смущены и торжественно обѣщали не прибѣгать больше къ грабежамъ и насиліямъ, что и исполняли.

Между тѣмъ число ихъ возросло до десяти тысячъ, такъ что Спартакъ разбилъ ихъ на два войска и сталъ ожидать римлянъ. И вотъ показались двадцатитысячное войско непобѣдимыхъ римлянъ, которые были убѣждены, что имъ ничего не будетъ стоить побѣдить презрѣнныхъ рабовъ. Но Спартакъ нанесъ гордымъ римлянамъ такое пораженіе, какого они давно не испытывали.

Римляне были не на шутку встревожены. Презрѣнные рабы, которыхъ они и за людей не считали, наносили имъ, всемірнымъ побѣдителямъ, пораженіе за пораженіемъ.

Гладіаторы торжествовали. Имя Спартакъ гремѣло по всей Италіи. Рабы воспрянули духомъ и тысячами стали стекаться къ Спартаку, въ ожиданіи свободы для себя.

Римляне рѣшили во что бы то ни стало покончить со Спартакомъ и отправили противъ него огромную армію въ тридцать тысячъ человѣкъ подъ началь-

ствомъ одного изъ лучшихъ своихъ полководцевъ, Анфидія Ореста.

Спартакъ обратился къ гладіаторамъ съ рѣчью:

— Товарищи!—сказалъ онъ.—Отъ этой битвы будетъ зависѣть успѣхъ нашего дѣла. Римлянъ много больше, чѣмъ насъ. Если мы побѣдимъ, то всѣ узнаютъ, насколько мы сильны, и узнаютъ, что римляне побѣдимы. Мы боремся за правое дѣло, за свободу, а римляне борются за чужое несчастье. Правое дѣло всегда побѣдитъ неправое, а потому впередъ за нашу свободу!..

И онъ повелъ гладіаторовъ противъ римлянъ. Искусенъ былъ римскій военачальникъ, но Спартакъ оказался искуснѣе его и на-голову разбилъ тридцатитысячное войско римлянъ.

Когда вѣсть объ этомъ пораженіи дошла до Рима, то римляне пришли въ ужасъ. Они увидали, что должны вести войну съ такими противниками, съ какими имъ воевать еще не приходилось.

А число гладіаторовъ около Спартакъ все росло и росло. Но Спартакъ, несмотря на всѣ свои побѣды, не вѣрилъ, чтобы въ концѣ-концовъ ему удалось побѣдить римлянъ. Онъ рѣшилъ вывести гладіаторовъ изъ Италіи, чтобы каждый изъ нихъ отправился къ себѣ на родину, а самъ думалъ обойти всѣ покоренные римлянами народы и убѣдить ихъ сплотиться вмѣстѣ и пойти войною на Римъ. Тогда римляне будутъ непременно побѣждены, всѣ покоренные ими народы получатъ свободу и получатъ свободу всѣ римскіе рабы.

Такъ думалъ Спартакъ, и онъ былъ правъ. Но не такъ думали гладіаторы. Опьяненные своими побѣдами, они вѣрили, что все время будутъ побѣждать римлянъ, и мечтали о томъ, чтобы, отмстивъ римлянамъ, сдѣлать ихъ рабами, а самимъ стать господами, наслаждаться богатствомъ и заставлять римлянъ въ циркахъ убивать другъ друга, какъ это до сихъ поръ дѣлали гладіаторы. Поэтому они потребовали, чтобы Спартакъ велъ ихъ на Римъ, и слушать не хотѣли его убѣжденій. Десять тысячъ германцевъ-гладіаторовъ даже оставили Спартакъ и пошли на Римъ одни.

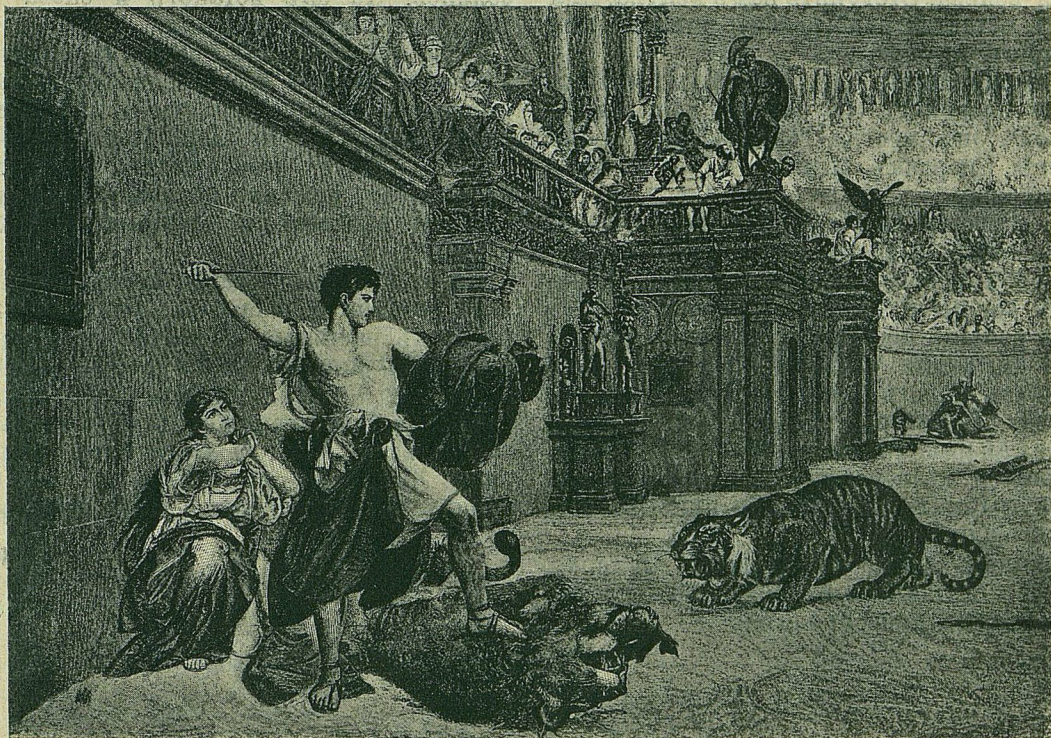
Римляне собрали двѣ большія арміи и начальство надъ ними поручили двумъ высшимъ государственнымъ чинамъ, что дѣлалось въ самые трудныя, опасныя времена. Эти арміи двигались на Спар-

така съ обѣихъ сторонъ. Спартакъ встрѣтился съ ними и разбилъ обѣ арміи. Ничего подобнаго съ римлянами никогда не бывало, а когда Спартакъ велѣлъ за этимъ разбить новое громадное войско римлянъ, то Римъ пришелъ въ настоящій ужасъ.

Теперь уже ни одинъ изъ римскихъ полководцевъ не рѣшался выступить противъ Спартака. Наконецъ, на это согласился полководецъ Лициній Крассъ,

Спартакъ уступилъ имъ, хотя напередъ зналъ, что дѣло ихъ погибло. Онъ шелъ на вѣрную гибель, но о себѣ онъ не думалъ; онъ рѣшилъ раздѣлить съ товарищами гибель такъ же, какъ дѣлилъ рабство и побѣды.

Спартакъ расположился лагеремъ на одномъ полуостровѣ. Римскій полководецъ Крассъ подошелъ со своими войсками и приказалъ вырыть громадный ровъ и укрѣпить его стѣной. Этимъ онъ

На аренѣ цирка въ Римѣ.

но потребовалъ себѣ войска безъ малаго въ сто тысячъ человѣкъ.

Спартакъ опять сталъ убѣждать гладиаторовъ, чтобы они отказались отъ желанія завоевать Римъ, такъ какъ римляне могутъ собрать очень большую армію и гладиаторы въ концѣ-концовъ будутъ побѣждены.

— Я васъ выведу за предѣлы римскаго государства,—увѣщевалъ онъ гладиаторовъ,—и вы вернетесь къ себѣ на родину и будете жить хотя и въ бѣдности, но на свободѣ.

Гладиаторы и слушать не хотѣли.

— Веди насъ на Римъ!—кричали они.

желалъ закрыть для гладиаторовъ выходъ съ полуострова и умирить ихъ голодомъ.

Была зимняя темная ночь. Съ неба падалъ снѣгъ. Прибой морскихъ волнъ наполнялъ шумомъ окрестности. Спартакъ велѣлъ осторожно засыпать часть рва. Когда это было сдѣлано, онъ незамѣтно для римлянъ, пользуясь темнотой ночи и шумомъ волнъ, вывелъ свои войска съ полуострова. Крассъ, этого совершенно не ожидая, пришелъ въ ужасъ и потребовалъ, чтобы къ нему на помощь пришелъ лучший римскій полководецъ Помпей, который въ это время былъ въ

Испаніи. Вскорѣ показались легіоны Помпея.

Наступалъ конецъ этой великой борьбы рабовъ съ угнетателями. Такой борьбы еще нигдѣ и никогда не бывало.

Спартакъ выстроилъ своихъ гладіаторовъ на берегу рѣки Брадана въ боевой порядокъ и обратился къ нимъ съ побѣднѣею рѣчью:

— Товарищи!—сказалъ онъ.—Отъ сегодняшней битвы зависитъ наша судьба. Со всѣхъ сторонъ окружаютъ насъ римскія войска. Отступить намъ некуда. Для насъ остается одно: разбить римлянъ или умереть въ бою.

Обернувшись, онъ увидѣлъ, что къ нему подводятъ его боевого коня, на которомъ онъ всегда ѣздилъ во время битвъ. Спартакъ вынулъ мечъ и закололъ коня.

— Сегодня мнѣ конь не нуженъ,—сказалъ онъ.—Если мы побѣдимъ, то я возьму себѣ любого непріятельскаго коня; если же мы будемъ побѣждены, то конь мнѣ больше не будетъ нуженъ никогда.

И съ этими словами Спартакъ далъ приказъ начать битву. Началась ужасная битва; гладіаторы дрались какъ львы, поражая римлянъ своею храбростію. День близился къ вечеру, а бой все продолжался. Силы римлянъ все прибывали и прибывали.

Зимнее солнце спряталось. Сумерки быстро сгущались, и наступала ночь, давая конецъ кровопролитію.

Римляне побѣдили.

Всѣ,—и римляне, и гладіаторы,—кинулись искать Спартакъ.

— Гдѣ Спартакъ?—спрашивали они другъ друга.

Среди живыхъ его не было.

Стали искать среди мертвыхъ. Среди тысячъ и тысячъ убитыхъ, покрывавшихъ поле битвы, въ одномъ мѣстѣ возвышалась гряда труповъ. Подъ этой грудой лежалъ убитый Спартакъ. Римляне своими трупами навалились на него, точно боялись, что онъ встанетъ и снова въ ужасѣ затрепещетъ Римъ.

Дѣло гладіаторовъ было проиграно. Римляне, какъ и всегда, оказались жестокими и ужасно отомстили плѣннымъ гладіаторамъ. Всю дорогу, по которой должны были возвращаться въ Римъ побѣдители, римляне превратили въ аллею изъ крестовъ, на которыхъ распяли гладіаторовъ.

По этой аллеѣ съ радостными кликами шли римскія войска, а съ придорожныхъ крестовъ распятые посылали имъ проклятія, оплакивая свою судьбу и раскаяваясь, что не послушались своего вождя Спартакъ, убѣждавшаго ихъ не гнаться за местию и богатствомъ и идти на родину. Жили бы они теперь у себя на родинѣ въ бѣдности, но зато свободно.

А. К.

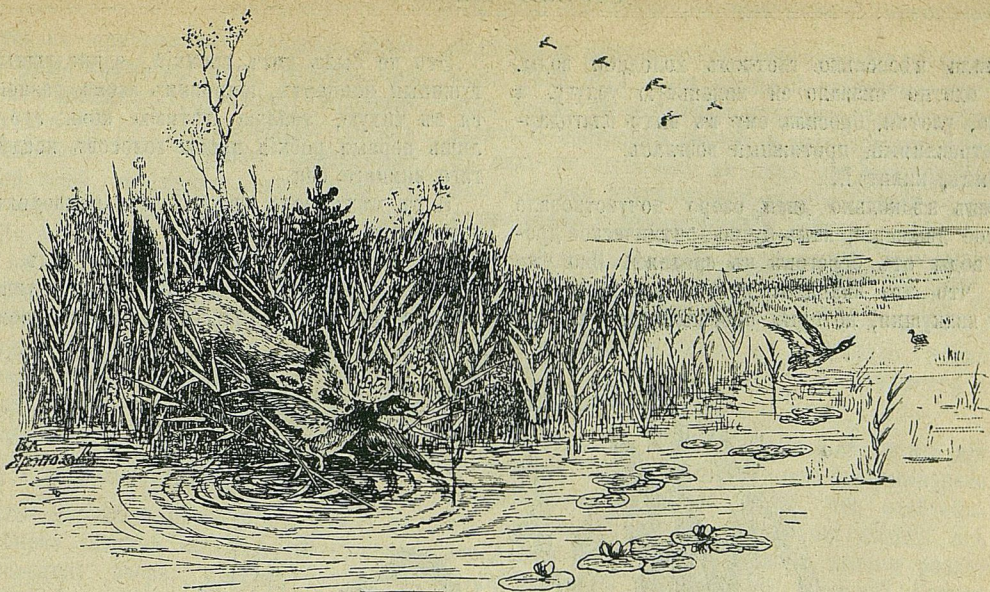
Ивасины грезы

(Изъ Гривка Чупринки).

Какъ весною солнца ласка
Прочь гнала мороза сны,
Такъ Ивасѣ мнилась сказка
Въ тихомъ шелестѣ весны.
Вѣтерокъ легонько вѣялъ,
Крикъ носился птичьихъ стай,
А Ивасѣ сидѣлъ и грезилъ
Про далекій чудный край.
Гдѣ весна смѣняетъ лѣто,
Гдѣ подъ солнцемъ и тепломъ
Вся природа пріодѣта
Вѣкъ невянущимъ вѣнкомъ.
Гдѣ цвѣтутъ фіалки, розы,
Гдѣ красавица-весна

Навѣваетъ сны и грезы
Неизбавныхъ чаръ полна.
И головушки на руки
Опустилъ Ивасѣ; и спить...
И во снѣ онъ ловить звуки,
Что весна ему дарить...
И проснулся нашъ Ивася
Обаянья полнъ весны,
Хочетъ радости и счастья,
Что давали только сны.
Хочетъ онъ, чтобъ снова розы
Расцвѣли какъ дивный рай...
Такъ Ивасинкины грезы
Обнимали... бѣдный край.

Аркадій Полонскій.

Какъ пробуждалось озеро.

Марии Луиской.

Среди полей, лежащихъ за лѣсомъ, глубокимъ зимнимъ сномъ спало озеро. Спало въ вѣякѣ изъ тростника и сухихъ травъ, напѣвавшихъ ему колыбельную пѣсню; спало, покрытое бѣлоснѣжной периной, которую добрая зима накинула на его окаменѣвшую грудь. И неизвѣстно, какъ долго спало бы оно такъ, если бы не шалунья-весна: она стащила съ сонливца перину и щекотала и пронизывала его своими солнечными лучами.

У нея было много работы. Минула длинная вереница ясныхъ и теплыхъ дней, растаялъ твердый ледяной панцырь, потомъ первый вздохъ шевельнулъ грудь пробужденнаго озера, и дрожь пробѣжала по всему его тѣлу.

Тогда открыло озеро свое темное, глубокое око и внимательно посмотрѣло на небо. Оно было чистое, ясное, ласково улыбающееся.

Теперь начались для озера дни ожиданія: съ утра до поздней ночи высматривало оно возвращеніе крылатыхъ гостей, которые снились ему всю зиму. Днем и ночью прислушивалось оно, не двигаются ли въ глубинѣ его какія-нибудь живыя существа. Но тишина была въ немъ и вокругъ него.

Одинокимъ и забытымъ чувствовало себя озеро.

Если бы не вѣрный тростникъ, который напѣвалъ надъ его головой старую, давно знакомую пѣсенку, оно, навѣрное, пожалѣло бы, что проснулось слишкомъ рано...

Однажды на заходѣ солнца озеро задремало, какъ вдругъ оно услышало издалика, съ южной стороны какіе-то голоса:

Ква-ква! Ква-ква!..

Озеро заслушалось этихъ криковъ; все ближе, все явственнѣе плыли они къ нему вмѣстѣ съ вѣтромъ. Широко открытымъ глазомъ оно замѣтило на небѣ нѣсколько летящихъ къ нему птицъ.

Утки! Онѣ останавливаются здѣсь, опускаются ниже... уже слѣбли въ тростникъ. Протяжнымъ, заглушеннымъ голосомъ привѣтствуютъ онѣ свое давнишнее обиталище.

Въ тотъ вечеръ на озерѣ началась жизнь. Птицы плавали, ныряли, вытягивали и отряхивали усталыя крылья, бродили между тростникомъ и порослями, ища удобнаго мѣста для ночлега.

На другой день озеро имѣло новый сюрпризъ. Около полудня слегка заколыхались тростники, и изъ нихъ вышла тоненькая луговка на высокихъ ножкахъ, покрутила головкой, испытующимъ взглядомъ осмотрѣлась кругомъ, потомъ нѣсколько разъ погрузила клювикъ въ воду

и выпила нѣсколько глотковъ холодной воды. Озеро охотно оказало ей маленькую услугу, а луговка, улетаая, бросила ему въ видѣ благодарности тоскливый, протяжный возгласъ:

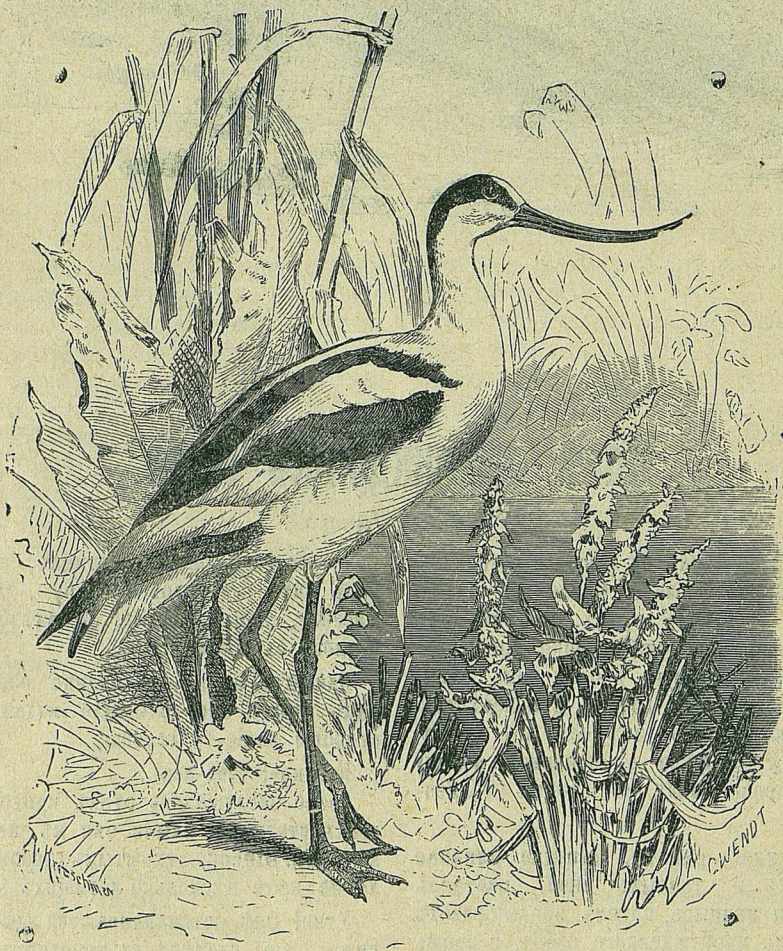
Кивить, кивить!..

Черезъ нѣсколько дней озеро почувствовало странное движеніе, какъ-будто ритмическое дрожаніе воды отъ береговъ къ срединѣ. Оно уже знало, что это значитъ: проснулись лягушки, милыя квакушки, которые проспали зиму въ гу-

Это не былъ тотъ громкій, единодушный лягушинный концертъ, широкимъ эхомъ разносящійся въ тихую, теплую лѣтнюю ночь; это были лишь первыя робкія пробы голосовъ послѣ долгаго зимняго сна.

И съ тѣхъ поръ каждый день приводилъ другаго гостя.

Въ одинъ прекрасный вечеръ надъ водой разнесся жалобный, тоскливый и стонущій голосъ, а за этимъ голосомъ-предвѣстникомъ на

стой, болотной тинѣ. Увидѣли сонливцы солнечный лучъ, который проникъ къ нимъ сквозь воду, и захотѣлось имъ немножко погрѣться. И на самой срединѣ пруда высунулась крошечная мордочка, а за ней другая, третья, четвертая, десятая. Поверхность пруда покрылась маленькими движущимися островками, которые показывались, исчезали и снова выплывали въ другомъ мѣстѣ. Эти островки завели между собой тихій, робкій разговоръ:

Кумъ-кумъ, рехе-рехе, кумъ-кумъ...

небѣ показалась цѣпь журавлей. Они летѣли высоко, предводительствуемые своимъ вожакомъ, выдвинувшимся впередъ. За нимъ парами летѣли птицы. Отъ времени до времени онѣ бросали изъ своей груди болѣзненную жалобу, глубокій вздохъ, не поддающійся подражанію, но котораго нельзя забыть, если разъ слышалъ его.

Журавли остановились надъ озеромъ и тихо спустились съ тучъ на землю. Вытягивая шею, внимательно слѣдя за каждымъ движеніемъ въ тростникахъ, безшумно ступая, они расположи-

лись отдыхать въ прибрежномъ камышѣ. Вечеромъ, когда луна появилась надъ полемъ, она освѣтила также таинственную фигуру журавля-сторожа, слѣдящаго за безопасностью своихъ братьевъ-товарищей. Онъ стоялъ неподвижно съ вытянутой шеей, съ глазами, вперенными въ мракъ, изъ котораго могла выползти невѣдомая опасность. Но ничего не случилось, и на-утро проснулись на разсвѣтѣ прилетные гости, быстро приготовились для дороги и отправились дальше, къ болѣе широкимъ водамъ, на болѣе глубокія озера. Только взлетая, они еще разъ повторили свою невысказанную жалобу, и долго шумѣло потомъ ея эхо въ тростникахъ и носилось надъ водой.

Наконецъ, однажды появился и „онъ“!..
Всѣ лягушки поспѣшно бросились въ воду и, быстро перебирая задними лапками, поспѣшили на самую середину озера; другія, слишкомъ поздно замѣтившія опасность, поспѣшили перевернуться на спину и, вытянувъ лапки, притворились мертвыми. Дикія утки старались скрыть

смущеніе и притвориться равнодушными. На самомъ дѣлѣ онѣ были очень безпокойны, такъ какъ болѣе старательныя изъ нихъ уже позаботились о постройкѣ гнѣздъ, и хотя до сихъ поръ въ нихъ не было еще ни яицъ, ни птенчиковъ, онѣ все-таки предпочитали, чтобы „онъ“ и не подозрѣвалъ о существованіи гнѣздъ.

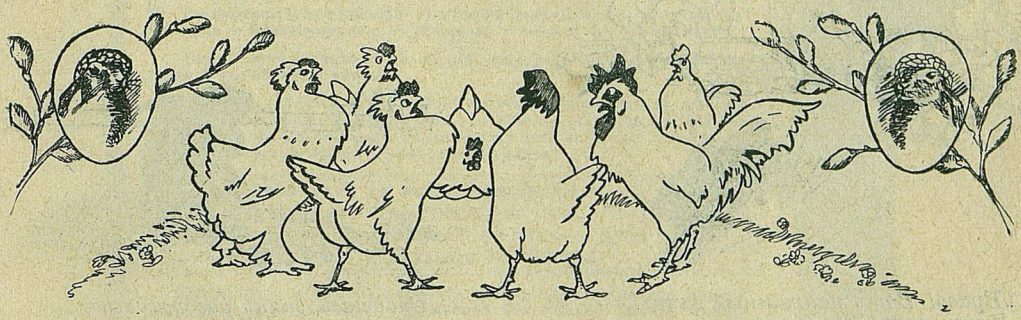
Это былъ аистъ собственной персоной. Дѣловитымъ шагомъ обошелъ онъ вокругъ озера и, не найдя ни одной лягушки, сорвалъ клювомъ сухую тростинку и унесъ ее въ гнѣздо, дѣлая видъ, что онъ только за этимъ и прилетѣлъ и больше ничего не искалъ...

Это уже былъ послѣдній гость, самый поздній пришелецъ. Глядя на него, озеро почувствовало благодарность къ веснѣ за то, что разбудила его раньше. А то, что стали бы дѣлать всѣ эти милые гости, если бы озеро дольше разлеживалось подъ бѣлоснѣжной периной? Каково бы имъ было, если бы озеро проспало?..

Перев. Эва Пущинская.

Между дѣломъ.

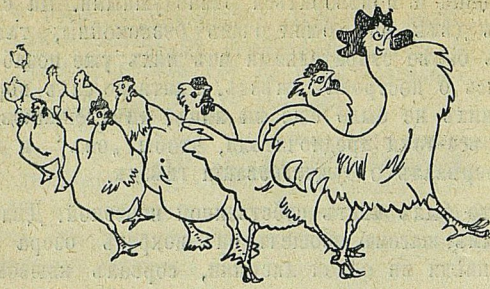
*Пасхальный герой *).*

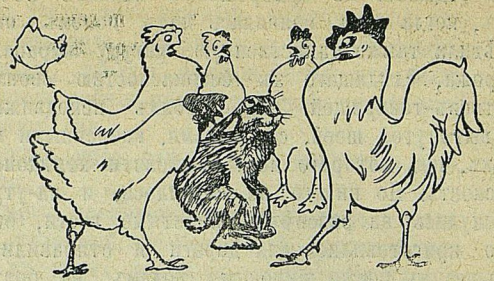
Наканунъ Пасхи куры
Собрались советъ держать:
„Завтра люди, какъ и прежде,
Будутъ зайца восхвалять!..
Мы несемъ прилежно яйца,
Людьми пользу принося,

А они вдругъ—хвалятъ зайца...
Нѣтъ, такъ жить нельзя!..
Поклянемся поскорѣ
Мы нахала проучить,
Чтобъ навѣки отучился
Онъ людей въ обманъ вводить“!..

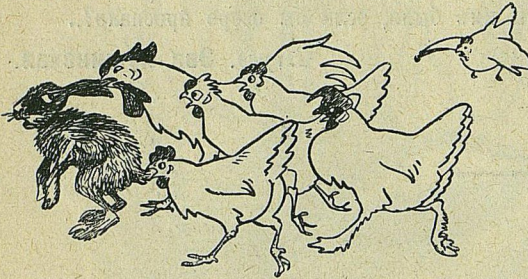
*) Заяцъ у иудеевъ на Пасху—такой же герой, какъ дѣдъ-Морозъ на Рождество.

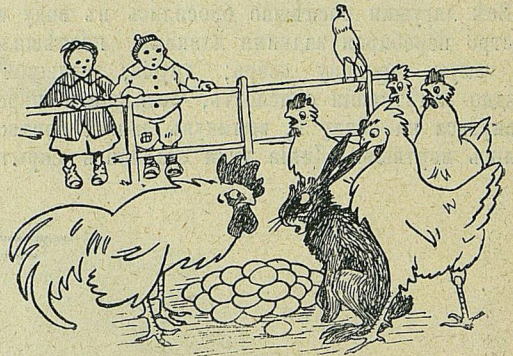
Идутъ есей толпою въ поле,
Живо зайца въ плѣнь берутъ
И его за хвостъ и уши
Всѣ безжалостно дерутъ...
И кричатъ: „Ты видишь яйца?
Знаешь тѣхъ, кто ихъ несутъ?“

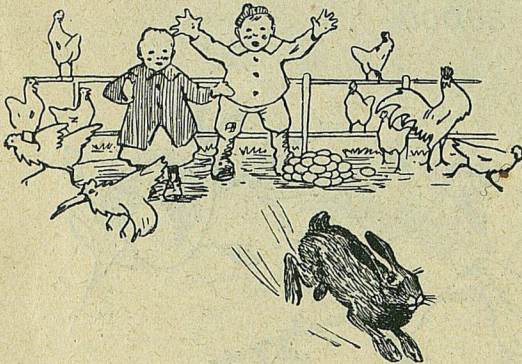
Такъ зачѣмъ тебѣ всѣ люди
За труды за наши чтутъ?
Это ты имъ врешь, о, дерзкій!..
Куры, бей его сильнѣй!“...
„Ой-ой-ой!“—вопитъ зайченка.—
„Не при чемъ я тутъ, ей-ей!“

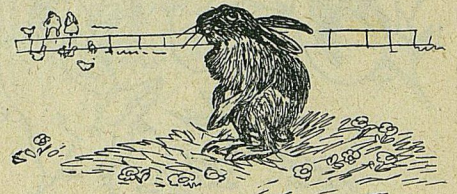
Не обманывалъ людей я!..
Это сами все они
Про меня сложили сказку
Въ Пасхи радостные дни“...

Но не внемлютъ куры зайцу,
И „досталось“ бы ему,
Да, по счастью, Лена съ Петей
Видятъ эту кутерьму...

„Браво! Вотъ пасхальный заяцъ!“—
Дѣти радостно кричатъ
И отъ славнаго героя
Дерзкихъ куръ прогнать спѣшатъ...

Спасишь, заяцъ разсуждаетъ:
„Странно, можетъ быть порой,—
То недавно былъ обманщикъ,
А теперь вдругъ я—герой!“

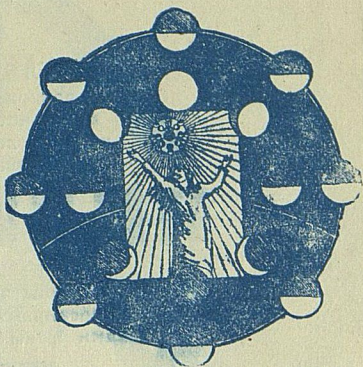
Тушнанчинъ.

НЕБЫВАЛЫЙ ПЕРЕВОРОТЪ

въ области избавленія отъ параличей всѣхъ видовъ, ревматизма, артрита, туберкулеза костей, подагры, ишиаса и энзимы. Единственно мною достигнуто вѣрное средство исправленія организма и его частей, пораженныхъ параличемъ и проч. болѣзнями. Даю движеніе парализованнымъ членамъ въ кратчайшій срокъ. Желая прииди на помощь обществу, предлагаю свои услуги всѣмъ страдающимъ на самыхъ доступныхъ условіяхъ. Вышеизложенное могу удостовѣр. фактами.

1-ый въ Россіи электро-физио-озонотическій кабинетъ и лабораторія для пользованія озонитарными силами природы по ново-усовершенствованному физико-техническому способу электро-озонотатіи **Л. М. ПАЕРСКАГО. Совѣтъ отъ 10—2 дня и отъ 5—8 в.** Иногороднимъ совѣты письменно. Препараты высылаются наложен. платажомъ. МОСКВА. Пречистен. бул., Сивцевъ-Вражекъ, д. 3, кв. 6 д., тел. 1-07-75

Желающіе получить по почтѣ брошюру по методу-электро-озонотатіи съ описан. совѣтовъ и рецептами благвол. выс. 1 р.

Марн. утв. прав. за № 22058.

1913 г. Продолжается подписка 1913 г. (IV-й годъ изданія) НА ЖУРНАЛЪ ЖЕНСКОЕ ДѢЛО

въ теченіе 1913 г. подписчики получать!

24 иллюстрированныхъ номера по программѣ: публицистика, педагогика, гигиена, беллетристика, театр и искусство, исторія, критика, библиографія, спортъ. Отдѣлъ модныхъ туалетовъ (свыше 800 новѣйш. мод). Для завѣдованія которымъ приглашена специалистка-художница г-жа Ирма Лоранъ (Mlle Irma Laurent). Прикл. искусство и смѣсь.

При редакціи съ 1913 г. будетъ образованъ особый юридическій отдѣлъ, при участіи извѣстныхъ московскихъ юристовъ для того, чтобы давать отвѣты-совѣты по юридическимъ вопросамъ (брака, семьи, личныхъ правъ и др.), по которымъ подписчики пожелаютъ узнать авторитетное мнѣніе.

Годовые подписчики на 1913 г. получатъ кромѣ 24 иллюстрированныхъ №№ журнала

2 бесплатныхъ приложенія 1) русскіе законы о женщинахъ, о правахъ и обязанностяхъ. 2) Женщина у себя и въ обществѣ.

Помимо этихъ приложеній, подписчики получатъ выкройки моделей и выкрѣчные листы.

Редакція „ЖЕНСКАГО ДѢЛА“ предоставляетъ также своимъ подписчикамъ право на приобрѣтеніе на самыхъ льготныхъ условіяхъ двухъ модныхъ альбомовъ, выпускаемыхъ редакціей на весенній и осенній сезоны, а также „Руководство кройки“.

Подписная цѣна со всѣми приложеніями, съ доставкой и пересылкой: Въ Россіи: на годъ—5 руб., на полгода—3 руб. За границей: на годъ—7 руб., на полгода—4 руб. Цѣна отдѣльнаго №—20 коп.

Подписчики, желающіе получить сверхъ перечисленнаго полный курсъ кройки по новѣйшей упрощенной Вельгійской методѣ оплачиваютъ—1 рубль.

Въ отдѣльности стоятъ съ перес. 2 р

Подписка принимается во всѣхъ почтово-телеграфныхъ конторахъ и книжныхъ магазинахъ.

Главная контора журнала „Женское Дѣло“
Москва, Б. Дмитровка, д. 26.

МАЛОКРОВІЕ

БЛѢДНУЮ НЕМОЧЬ, СЛАБОСИЛІЕ

возможно радикально излечить только
при систематическомъ обновленіи состава
крови и доставленіи ей достаточнаго количе-
ства легко усваиваемаго желѣза.

ПИЛЮЛИ ПЕНИ

ХЛОРОЗАНЪ

лучшій испытанный препаратъ, снабжающій малокров-
ный организмъ необходимыми для крови жизненными
соками и вызывающій усиленное кровеобразованіе.

ПИЛЮЛИ ПЕНИ доставляютъ орга-
низму новые запасы желѣза, легко
проникающаго въ кровь, возбужда-
ютъ дѣятельность кроветворныхъ
органовъ и способствуютъ образо-
ванію свѣжихъ и здоровыхъ кровя-
ныхъ шариковъ.

Всѣ признаки малокровія, какъ
головныя боли, блѣдный цвѣтъ
лица, головокруженія и общая сла-
бость исчезаютъ, появляется аппе-
титъ, притокъ силъ и общее оздо-
ровленіе всего организма.

ПИЛЮЛИ ПЕНИ—единственный же-
лѣзистый препаратъ не только не
вызываетъ никакихъ желудочно-ки-
шечныхъ расстройствъ, но и уста-
навливаетъ совершенно нормальное
перевариваніе и усвоеніе пищи, спо-
собствуя этимъ правильному пита-
нію всѣхъ тканей организма.

Продается въ аптекахъ и аптекар. магазинах.

Цѣна коробки 1 руб. 75 коп.

Главный складъ для Россіи:

Институтъ Д-ра КАЛЬВЭ. Москва,
Срѣтенка, 4, отд. 1/152.

ГУТТЕАЗЪ

ГЕНРИ ПЕНИ

по признанію лучшихъ специалистовъ врачей даетъ наи-
болѣе радикальные и быстрые результаты при леченіи

ПОДАГРЫ, РЕВМАТИЗМА,

ПОЧЕЧНЫХЪ КАМНЕЙ, МОЧЕВОГО ПЕСКА
и прочихъ болѣзней, связанныхъ съ накопленіемъ въ
организмѣ мочевой кислоты.

Гуттеазъ обладаетъ наивысшимъ растворяющимъ
дѣйствіемъ на мочевую кислоту, способствуетъ удале-
нію ея изъ организма и препятствуетъ ея дальнѣй-
шему отложенію.

Примѣненіе Гуттеаза ведетъ къ рассасыванію пода-
грическихъ и ревматическихъ опухолей и быстрому рас-
творенію почечныхъ камней и песка.

Продается въ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Цѣна коробки 3 руб. 25 коп.

Главное представительство для Россіи: Институтъ
Д-ра Кальвэ, Москва, Срѣтенка, 4, отд. 2/15.

Цѣна 15 коп.